

АННА БЕННИНГ

ВИХРЬ

ДЕНЬ, КОГДА
РАЗОРВАЛСЯ МИР

РИПОЛ КЛАССИК

Анна Беннинг
Вихрь. День, когда
разорвался мир
Серия «Вихри времени», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010622

Вихрь. День, когда разорвался мир / А. Беннинг ; [пер. с нем. Н. Г. Черепановой]. : РИПОЛ Классик; Москва; 2020

ISBN 978-5-386-13861-5

Аннотация

Для Элейн настал самый важный день в ее жизни: в Новом Лондоне проходит вихревая гонка, и Элейн – одна из сотни избранных участников. Им предстоит прыгать в энергетические вихри, которые десятилетия назад едва не разрушили мир. Такой прыжок опасен для жизни, но если тебе повезет, ты перенесешься из одного места в другое за считанные секунды.

Элейн готова выиграть гонку любой ценой. Но посреди вихря в ней просыпается сила, которая снова ставит мир под угрозу. И единственный, кто оказывается рядом – это юноша, который не хочет иметь с Элейн ничего общего.

Содержание

Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Анна Беннинг
Вихрь. День, когда
разорвался мир

ANNA BENNING

VORTEX.

DER TAG, AN DEM

DIE WELT ZERRISS

Перевод с немецкого Н. Г. Черепановой

РИПОЛ
КЛАССИК

Originally published as «Vortex – Der Tag, an dem die Welt

zerriss»

© 2020 Fischer Kinder- und Jugendbuchverlag GmbH,
Frankfurt am Main

© Черепанова Н.Г., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ Классик», 2020

RipolBookClub

[t. me/ripolbookclub](https://t.me/ripolbookclub)

Отзывы членов редакционного совета книги «Вихрь. День, когда разорвался мир»

В этой книге есть всё, чтобы войти в топ молодёжной фантастики. Она вихрем уносит в свой мир. События развиваются стремительно: только что ты вместе с героиней участвовала в гонке – а тут ты уже спасаешь мир.

И это действительно классная книга! Захватывающее начало новой многообещающей истории!

Svetlana Agalakova

Это было увлекательнейшее приключение!

Вихрь в названии, вихрем закрученный сюжет и вихри эмоций в душе во время чтения! Прекрасные живые персонажи со своим характером, яркие описания нового мироустройства, вихрей и путешествий по ним, зарождающаяся дружба и романтическая линия до мурашек – все это есть в книге. И это заставит искренне влюбиться в историю.

С нетерпением буду ждать продолжения.

Евгения Болотина

Не зря книга называется «Вихрь». Как вихри перемещают наших бегунов в пространстве, так

и сама история закручивает читателя мощным потоком воздуха в свои приключения, тайны, секреты, перемещения во времени. История заставляет в себя влюбиться. Как итог, с удовольствием буду ждать продолжение!

Дарья @pro.books_

История настолько затягивает, что я вихрем пронеслась сквозь страницы, впитывая каждую строчку. Герои живые, им веришь, за них переживаешь и ощущаешь все их эмоции, будто идёшь с ними бок о бок.

Продуманный мир – это отдельная любовь. Автор скрупулёзно подошла к его созданию. Постепенно по ходу сюжета нам открываются новые факты о мире, его законах и жителях. Мы видим расизм, геноцид, создание резерваций под предлогом безопасности, угнетение целых народов только потому, что они отличаются от людей, ложь правительства ради исполнения своих замыслов. К сожалению, это всё вполне реально. И я очень надеюсь, что героям удастся создать мир, где все смогут сосуществовать на равных.

Продолжение теперь будет для меня самой ожидаемой книгой.

Дарья Загузова

Книгу читала с содроганием, потому что несмотря на фантастичность мира, тема в ней поднята очень серьезная, которая последнее время заботит меня всё

больше. Почему одни люди считают себя выше других, почему жизни одних людей ценятся больше жизней других. Что или кто даёт право одним считать себя выше других?

С нетерпением жду продолжения истории, потому что уверена: героям ещё предстоит много испытаний.

Ирина Баранова @antirinka

Книга, которая зацепила не только своей историей, но и героями.

Первые страницы поразили меня своей динамичностью и интересным миром. Здесь живут сплиты разных видов, бегуны, участвующие в вихревых гонках, и обычные люди, верные своему кураториуму.

Книга также приятно удивила разносторонними и яркими героями. Поначалу меня зацепил сюжет, а потом я начала испытывать симпатию к персонажам.

С нетерпением жду продолжения, и встречу с уже полюбившимися героями.

Оксана Дволучанская

@alekseeva_books

Герои здесь живые и яркие, мир интересный, призыв к толерантности достаточно четкий, но не слишком топорный. В общем, от книги не оторваться, хочется побыстрее узнать, что же будет дальше.

Оксана Юрченко @stopchenko_oksana

Отличный дебютный роман, который не хочется выпускать из рук. Книга многократно превосходит ожидания и порождает бурю эмоций. История захватывающая, многогранная и невероятно крутая! Сюжетные вихри затягивают с головой и стремительно несут по жизням героев.

Первая часть трилогии однозначно удалась! С нетерпением жду продолжения.

Алёна Черкасская @utka_pitka

Один прыжок изменит мир.

Многообещающая фраза. Она не относится к парашютистам, которые делают шаг в небо. Не относится она и к дайверам, которые с борта окунаются в морскую пучину. Прыжок вихревого бегуна – вот что будет модно в этом сезоне!

Александра Хорват

@alexa_reader

Часть 1

Новый Лондон

Наша способность достичь единства при существующем разнообразии будет прекрасным испытанием для нашей цивилизации.

Махатма Ганди

ПАРАГРАФ II, ПУНКТ 3 ЗАКОНА О ВИХРЯХ

Деятельность внутри кураториума

После пяти лет обучения руководители соответствующего учебного заведения приглашают всех кандидатов, сдавших заключительные экзамены, на вихревые гонки. Все кандидаты должны быть на линии старта ровно в назначенное время. Сам кандидат, равно как и его наставники, отвечает за правильную экипировку; заболевшие автоматически исключаются из соревновательного процесса. Во время гонки кандидат сам отвечает за свою безопасность.

1

– Мы опоздаем! – крикнула я через плечо, продолжая рыться в личном ящике Лукаса, который он, очевидно, в последний раз разбирал лет пять назад.

Футболки, джинсы, школьные тетрадки, журналы и комиксы, игровые консоли трех поколений, полупустые упаковки с фруктовыми мармеладками, униформа серебристого цвета, стоптанные кеды... И никакого детектора.

Да где же он мог быть?

– Не опоздаем, – послышалось из-под кровати, откуда торчали две ноги в дырявых носках.

Наткнувшись на липкую жвачку под одним из комиксов, я с отвращением вытащила свои руки из ящика. Удивительно, как среди этого хлама до сих пор не завелась какая-нибудь живность. Я выпрямилась, растерянно оглядывая комнату. Жилища кандидатов были оснащены очень просто и понятно. У каждого из нас были кровать, одно отделение в шкафу, ночной столик и ящик для вещей общего пользования. Потерять что-либо среди всего этого было, следовательно, достаточно сложно. По крайней мере, для тех, кого звали не Лука Вудроу.

Шесть двухэтажных кроватей в комнате сверкали чистой и были идеально заправлены – все-таки сегодня был последний день, когда мы должны были здесь ночевать. На моей кровати также было пусто. Покрытая серыми простынями, с серыми подушками, она отличалась от того, что находилось в комнате, разве что тем, что над ней не висело никаких постеров, открыток, не лежало никаких плюшевых зверей и всякого рода безделушек.

– Как ты мог потерять свой *детектор*? – спросила я с на-

растающим отчаянием в голосе. – Это твоя самая важная вещь. Ты же знаешь, что без него тебя не пустят на старт ни в коем случае!

Я увидела рыжую голову Лукаса, вылезшего наружу из-под кровати. Ему еще хватало наглости закатывать глаза, хотя он был в двух шагах от того, чтобы разрушить нашу жизнь.

– Я его не потерял, – произнес он, нагло ухмыляясь. – Я его *переложил*. А это существенная разница.

– Никакой разницы нет, если мы его не найдем, – вздохнула я и уже в сотый раз взглянула на свой собственный детектор.

Круглый прибор на моем запястье уже горел красным цветом, что означало только одно: моя жизнь неумолимо и безвозвратно двигалась в сторону глубокой, темной пропасти.

8:44. Между прочим, до сигнала на старт оставалось шестнадцать минут. Речь главы кураториума мы так и так давно уже пропустили. В отличие от нас Варус Хоторн был, вообще-то, всегда пунктуален.

Пожалуй, я дам Лукасу еще одну минуту. Не больше. Пять минут потребуется для того, чтобы спуститься и избежать дисквалификации. В этот решающий для всей моей будущей жизни день я не должна опаздывать ни в коем случае. Даже если мой лучший друг – это самый большой разгильдяй на земле, который собирается погубить свою жизнь.

Я готовилась к этой гонке несколько месяцев. Это был последний, заключительный экзамен, который предстояло

сдать нам, кандидатам, а также самая великая честь, какая только могла быть оказана человеку, живущему на Земле. Каждый день я пробегала десяток километров, выполняла упражнения на выносливость и даже посещала занятия по ментальности миссис Пембертон. Почему «даже»? Да потому, что если в этом мире и существовали какие-то абсолютно бессмысленные вещи, то это были занятия по *Концентрированной фокусировке* и *Управлению мыслями* у старой карги миссис Пембертон.

Наконец-то мы *действительно* прыгнем через вихревой поток, а не будем снова и снова отрабатывать технику правильных прыжков на симуляторах. Мы сможем показать, чему научились за последние годы, а также выяснить, кто из нас способен стать настоящим бегуном.

– Нашел! – воскликнул Лука, как только я приняла решение, как действовать дальше.

С сияющим видом он вытащил детектор из корзины с грязным бельем, стоявшей около двери.

Я растерянно наблюдала за тем, как он стащил носок с прибора, похожего на наручные часы, и решила, что не стоит сейчас спрашивать его о том, каким образом самый важный предмет, какой только мог быть у кандидата, оказался в грязном белье.

Вместо этого с моих губ сорвался такой тяжелый вздох, который наверняка можно было услышать далеко за пределами Нового Лондона. На мгновение я облегченно закрыла

глаза.

– Элли, ну пошли же! – крикнул Лука.

Он уже натянул свои кеды и держал открытой дверь, чтобы я могла выйти.

Мы выскочили в коридор, который вел к выходу вниз. Сейчас мы мчались мимо учебных классов и помещений для тренировок, в которых провели последние пять лет. Трудно было даже представить, что после сегодняшнего дня я не буду больше каждое утро в восемь часов сидеть на своем месте во втором ряду. Что Лука не будет больше гримасничать, пока на него не смотрят преподаватели. И что мне не придется больше пялиться в спину Хольдена Хоторна, самого талантливого юноши нашего курса, в тихой надежде на то, что он когда-нибудь ко мне повернется.

Но теперь все осталось позади. С завтрашнего дня наша учеба закончится навсегда. С завтрашнего дня каждый кандидат займет свое место в кураториуме. А сегодня мы узнаем, каким именно будет это место.

Мы помчались дальше, и наше торопливое дыхание становилось все громче и громче с каждой секундой. Коридоры институтского здания казались бесконечными и пугающими, они были обшиты металлическими пластинами.

Я до сих пор хорошо помню тот момент, когда впервые вошла в кураториум. Мне как раз только-только исполнилось двенадцать, и тетя Лис вместе со своим мужем Гилбертом сопровождала меня во время моего первого визита в каче-

стве кандидата. Они оба работали в кураториуме: тетя была юристом в администрации, а ее муж – главным штурманом нашего института – самого важного учреждения, которое подчинялось непосредственно руководителю. И хотя оба много раз рассказывали мне об огромном вестибюле, специально построенным так, чтобы каждый входящий сразу же чувствовал себя мелким и жалким, я все же остановилась как вкопанная, сделав всего пару шагов.

Кураториум был... невероятно красивым, будто пришедшим не из нашего мира. Это был один из самых высоких небоскребов во всем Новом Лондоне. Будто тонкий вихревой поток он устремлялся вверх на высоту почти триста метров, а все помещения в нем выглядели так, словно постоянно находились в движении. По стенам и по полу тянулись волнообразные, филигранные линии, распознать которые можно было, лишь внимательно приглядевшись, – казалось, что металлическая обшивка плавно утекала вдаль. Коридоры были похожи на вихри, закручивающиеся по ходу движения вверх и в середину, поэтому, когда вы проходили через входные ворота, вас словно подхватывало мягкое течение.

Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель, эта надпись большими буквами красовалась над входом в кураториум. Это была старая цитата какого-то философа и заодно девиз всех кураториумов в мире.

Здание института замышлялось как огромный живой вих-

ревой поток – так объяснял мне в свое время Гилберт. И чем дальше кому-либо было позволено продвигаться в глубь этого потока, тем большего признания он добивался в глазах кураториума. На нижних этажах располагались административные помещения, в среднем кольце обучались мы и остальные пять курсов кандидатов. Затем следовали жилые помещения штурманов и охранников зон. И совсем наверху, прямо под шпилем здания, были квартиры вихревых бегунов, расположенные словно защитный круг вокруг бюро руководителя.

Вот туда-то я и хотела попасть после сегодняшней гонки.

Как только мы оказались в конце коридора внизу, я толкнула дверь, ведущую в большой внутренний двор. Яркое солнце слепило глаза, но это меня не остановило.

Двор размером с два футбольных поля был украшен бесчисленными серыми и голубыми мозаичными камнями, расположенными спиралью так, что они образовывали круговорот. Статуи, стоявшие слева и справа возле старых стен кураториума, изображали руководителей института, которые работали в офисах по всему миру. Их было десять. Ровно столько будет сегодня и тех, кто сможет осуществить свою мечту.

Пара человек с удивлением обернулись, увидев, что мы с Лукой несемся по вихреподобному пути, но большинство, словно замороженные, продолжали смотреть перед собой.

«Да здесь несколько сотен человек!» – подумала я. Се-

годня перед гонками собрался, наверное, весь кураториум: все преподаватели, все сотрудники администрации, большая часть штурманов, которые стояли за кафедрой в одном ряду, возглавляемые Гилбертом. Тот, в свою очередь, находился ближе всех к стартовой линии.

Экзамен для всех кандидатов в каждом институте проходил всего один раз в год. Но не у всех одновременно: для каждого института определялся какой-то один месяц. Сейчас, в феврале была очередь кураториума в Новом Лондоне. Затем наступала очередь Москвы, Каира и Нью-Йорка. И так как прямые репортажи с гонок на протяжении вот уже нескольких лет транслировались во всем мире на все десять территорий, на которых располагались кураториумы, то это было, что называется, гвоздем программы каждого года. Повсюду были дроны с камерами – никто, абсолютно никто не хотел пропустить такое шоу.

Единственными, кто не участвовал в этих торжествах, были вихревые бегуны. Но они, собственно говоря, не присутствовали на экзаменах кандидатов никогда.

Их задача была намного важнее всех торжественных мероприятий.

Как я и ожидала, Варус Хоторн уже заканчивал свою речь. Гилберт однажды сказал, что тот из принципа не пользовался микрофоном. Мол, кто хочет его слушать, тот должен быть крайне внимательным. Поэтому я смогла расслышать то, о чем он говорил, только когда мы пересекли половину

двора.

– И только десять из вас будут приняты в почетные ряды бегунов, – прозвучало над внутренним двором. – Десять из вас в будущем будут защищать наш любимый город от тех, кто захочет атаковать его, подобно саранче. Поэтому, кандидаты, бегите быстро, но будьте при этом максимально сконцентрированы. Вы знаете: любое неправильно принятое решение может означать, что этот экзамен для вас закончится раньше времени. У вас есть только один шанс! Так пусть выиграют самые лучшие, те, кто станут величайшими бегунами всех десяти территорий!

Раздались шумные овации. Голос Хоторна был таким же впечатляющим, как и его внешность. Он походил на какого-нибудь древнеримского героя. У него были волевой подбородок, прямой нос и высокий лоб с круглой линией волос. Губы его были сжаты и постоянно как будто немного опущены вниз. Серые, слегка волнистые волосы обрамляли его лицо. Он был красивым и серьезным мужчиной... В такие моменты он до боли напоминал мне своего сына.

Хоторн отошел на шаг от подиума и молча встал рядом с Гилбертом и остальными штурманами возле стартовой линии. Я не сомневалась в том, что оба заметили наше опоздание. В то время как Хоторн никак на это не отреагировал, лицо Гилберта приняло то напряженное выражение, от которого между бровями образовывалась глубокая складка, спускавшаяся к носу. Обычно она появлялась только тогда,

когда он хотел устроить нагоняй нам с Лукой, но по каким-то причинам этого не делал.

Гилберт откашлялся и вместе с Хоторном посмотрел на прибор в своих руках.

Детектор главного штурмана выглядел как более крупная версия тех детекторов, которые каждый из нас носил на запястье. Это были, по сути, переносные сонарные устройства, состоящие из телефона, телевизора и компьютера, а их техническое оснащение, по словам нашего учителя по *Вихревой энергии* и *Антигравитации*, было невероятно сложным, о чем он неоднократно упоминал на занятиях. Иначе как такое незаметное устройство могло бы предсказать, где и когда возникнет вихрь?

Мысленным взором я увидела секунды, безжалостно и беспощадно отсчитываемые детектором Гилберта, и пулей пролетела последний отрезок пути до стартовой линии.

Все кандидаты, кроме нас, уже стояли на своих позициях. Парни и девушки, всего сорок четыре человека, выдержавших экзамены, которые длились на протяжении нескольких недель. Некоторые приехали из небольших центров для кандидатов, располагавшихся в Шотландии, Германии или Франции. Некоторые, как Лука и я, например, получали образование непосредственно в кураториуме. Изначально нас было больше двухсот человек, но многие из них уже ушли и смогут продолжить свою карьеру только в административных отделах кураториума.

И лишь немногим суждено было стать бегунами.

Я обязательно *должна* была стать одной из них.

Большинство кандидатов я знала только по учебе. Дружба была не так важна для меня. Что, в конце концов, может дать мне хороший друг, если я одиннадцатой пересеку линию финиша?

Запыхавшись, я добежала до старта и приготовилась к гонке. Холодный весенний воздух рывками проникал в мои легкие, я ощущала запах тщательно стриженного газона и нервных тинейджеров. Это заставило меня успокоиться. Сегодня *тот самый* день, сказала я сама себе. Несмотря на то что Лука с его рассеянностью чуть не лишил меня моего места на старте.

Сосредоточься, Элейн. Направь все свое внимание на дыхание. Будь спокойна, как скала.

То, что именно сейчас я услышала голос мисс Пембертон, было, вероятно, признаком того, что я в любой момент могу свалиться от напряжения.

– Невообразимо, что вы, бездари, даже сегодня опаздываете, – донесся до меня резкий голос.

Я покосилась в сторону и наткнулась на пару красивых голубых глаз и насмешливую улыбку.

– Что на этот раз? Твой возлюбленный снова спалил свои шмотки, Коллинз?

– Лука не мой возлюбленный, – прошипела я в ответ и потом добавила тихо: – А с пуловером тогда все вышло со-

вершенно случайно.

Кроме того, со времени последнего приступа Лукаса прошло уже несколько недель. Он вполне контролировал свое состояние. Лука не относился к той саранче, о которой говорил Хоторн. Вернее, не *совсем*. То, что его кровь отличалась от нашей, могло играть роль только для такой зазнайки, как Мия Розе. Но не для меня.

– Случайно? Скорее *ненормально*. То, что господин Вудроу вообще притащил его сюда, это позор для всего института. А ты приукрашивай и дальше, если можешь.

На лице Мии Розе промелькнула победная улыбка.

– После сегодняшнего дня вы перестанете быть моей проблемой. Ни у тебя, ни у твоего чокнутого нет ни единого шанса.

– Это мы еще посмотрим, – ответила я в надежде, что она наконец оставит меня в покое.

Мне бесконечно надоело брызганье желчью этой Мии. Ее отец производил униформу для кураториума, что в итоге сделало его семью безумно богатой и влиятельной. Однако это влияние было не таким большим, как у главного штурмана Гилберта, бывшего после Варуса Хоторна самым могущественным человеком на всей территории.

На иерархической лестнице семья Мии располагалась прямо под моей. И поэтому она страстно ненавидела Луку и меня.

То, что я оказалась на стартовой линии рядом с Мией, бы-

ло, вероятно, не самым лучшим знаком, но я не стала нервничать по этому поводу. Вместо этого я оглядела других кандидатов, стоявших поблизости.

Многие сосредоточенно смотрели вперед, у некоторых отчетливо тряслись колени. Кроме Мии Розе на меня внимательно смотрел еще один человек. С темно-русыми волосами, золотисто-кариими глазами и серьезным выражением лица, он и сегодня был очень похож на своего отца.

Признаюсь, часть меня хотела просто широко улыбнуться, потому что сам *Хольден Хоторн* подарил мне свое внимание, но я заставила себя ограничиться непринужденным кивком. Сейчас не место для глупых фантазий.

Уголки губ Хольдена на мгновение дрогнули, после этого он отклонился назад. Я была уверена, что он давно уже забыл про меня.

Девочка со второго ряда. Вторая в классе по успеваемости. Такой я была и в наш последний учебный день.

Я вздохнула. Ну и ладно. Сегодня на первом месте была гонка. Сегодня я наконец докажу всем, что смогу стать бегуном.

Я была готова.

Я медленно вдохнула и выдохнула. Солнце между тем стояло высоко в небе, и я представила себе, что все мы, одетые в серебристые костюмы, с напряженным выражением лиц, выглядели как яростные оловянные солдатики.

И тут зрители вокруг нас начали аплодировать и ликовать

так, словно уже выбрали своих победителей. Я пробежалась взглядом по публике и почувствовала большое облегчение, когда слева на боковой линии увидела свою тетю Лис. Было совсем несложно обнаружить в толпе ее кудрявую шевелюру. Она единственная осталась сидеть на своей скамье, в то время как остальные вскочили на ноги. Ей явно было не до ликования. Напротив, она выглядела ужасно обеспокоенной, но в этом не было ничего нового.

Лис всегда не нравилось то, что я хотела стать бегуном. В то время как другие родители делали все для того, чтобы их дети оказались сегодня на этой стартовой линии, Лис постоянно читала мне лекции. *Ты знала, что средняя продолжительность жизни у бегуна составляет сорок два года? Сорок два, Элейн!* Одно то, что она была сегодня здесь, на гонке, было больше того, на что я могла надеяться.

Я робко улыбнулась ей, и, когда Лис обхватила себя руками и ободряюще улыбнулась мне в ответ, я почувствовала, что наконец успокоилась.

– Из-за тебя у меня уже нет сил, а мы еще даже не начали гонку, – прошептала я Луке, занимая исходную позицию.

Лука усмехнулся. Своей типично беспечной ухмылкой, которая сразу же настраивала меня на всепрощающий лад, хотела я того или нет.

– Ты справишься, – сказал он. – Они еще будут глотать пыль, догоняя тебя.

Я кивнула, так как знала, что *должна* справиться, и сфо-

кусировала свой взгляд на стене перед нами.

Для непосвященных наша «гоночная трасса» выглядела абсолютно абсурдной. Все участники выстроились в ряд вдоль линии старта, но, вместо того чтобы, как предполагается, пройти свою дистанцию по открытой местности, мы все смотрели прямо в стену.

Конечно же я знала, что ожидает меня через несколько секунд. Еще продолжали мигать гравитационные сенсоры, эти шарики размером с ноготь, находившиеся повсюду в институте. Они день и ночь заботились о том, чтобы вихри не возникали внутри кураториума. Несмотря на небольшой размер, они обладали невероятной силой. И только сегодня Гилберт деактивирует их на какое-то мгновение.

Я не знала, какие опасности ожидали меня. Вихревая гонка по праву была последним этапом на пути к нашей общей судьбе. Кандидаты постоянно травмировали себя, когда впервые запрыгивали в настоящий вихревой поток. Многие слишком близко приближались к опасным энергиям, вращающимся внутри вихрей, другие просто терялись во время прохождения дистанции. Как правило, чуть позже их собирали бегуны, выделенные специально для таких чрезвычайных ситуаций. Но каждый понимал, что для некоторых из нас эта помощь может прийти слишком поздно.

Смертельные случаи на вихревых гонках случались нередко. В последнем месяце гоночная трасса проходила через США в Канаду вплоть до Гренландии, и незадолго до по-

следнего этапа один юноша прыгнул через вихревой поток прямо в замерзшее озеро, откуда никогда больше не выбрался.

– Кандидаты! – Над внутренним двором прогремел низкий голос Хоторна.

Дроны-камеры вокруг нас загудели по очереди, фокусируя и приближая лицо каждого кандидата. Изображения передавались на экраны, расположенные вокруг, и на весь мир. После сегодняшнего дня каждый человек на земле будет знать наши имена, и я старалась смотреть вперед максимально смело и решительно.

Взгляд Хоторна, напротив, был устремлен на своего сына, и от того ожидания, которое вспыхнуло в его глазах, мне стало не по себе.

Если сегодня случится невозможное, и я не попаду в команду бегунов, то Лис и Гилберт обнимут меня и начнут утешать, уверяя, что перед штурманом стоят не менее важные задачи. А вот Хольден... Для Хольдена не существовало никакой альтернативы. Для сына руководителя кураториума исход сегодняшнего дня может быть только один: ему недостаточно было просто пересечь финишную черту, он должен был *выиграть* эту гонку.

– Пора! – снова крикнул Хоторн. – Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель, кандидаты. Думайте об этом. Действуйте согласно этому правилу. По моему знаку!

Гилберт вышел вперед. Будучи главным штурманом, он отвечал за то, чтобы гонка прошла безупречно и чтобы вихрь возник именно тогда, когда раздастся стартовый сигнал. Ради этого момента он на протяжении нескольких недель проводил вычисления, которые Луку, мою тетю и меня чуть не свели с ума. Муж моей тети был высоким, худощавым мужчиной со светлыми каштановыми волосами, который в каждой жизненной ситуации был великолепно одет и которому совсем не было знакомо такое чувство, как волнение. Он смотрел по очереди то на стену, то на детектор. Снова и снова, пока не поднял вверх левую руку, предупреждая о скором старте.

В эту секунду гравитационные сенсоры на стенах мигнули в последний раз. Их синий цвет всегда был для меня знаком абсолютной уверенности. И вот они погасли.

Я в последний раз посмотрела на Лис. Она больше не улыбалась. *Все будет хорошо*, отправила я ей безмолвное послание. *Не беспокойся*.

Затем я устремила свой взгляд вперед.

Я быстро проверила, надежно ли закреплен небольшой серебряный рюкзачок у меня на спине и все ли в порядке с моими кедами. Я провела руками по своим светлым волосам и связала их в хвост. Тут я почувствовала, как передо мной возникло первое шевеление – нежное жужжание в воздухе. Это было похоже на знойный жар, который то сгущался в одной точке, то растягивался, становясь все громче и громче.

Настоящий вихрь.

– Кандидаты! – выкрикнул снова Хоторн.

Мы все наклонились вперед и сфокусировались на круге, который становился все больше и больше и в котором, как казалось, смешивались небо, земля, стена и воздух.

– Приготовились: раз!

Сердце билось так, что его пульсация ощущалась даже в горле, и я не заметила, как Лука взял мою руку в свою и нежно сжал ее.

– Удачи, – прошептал он.

– Удачи, – сказала я, сжав в ответ его руку.

– Приготовились: два! Приготовились: три!

Во мне все сжалось, напоследок я еще раз глубоко вздохнула.

– Приготовились: *старт!*

Это слово прозвучало словно выстрел из пушки, и все сорок четыре кандидата одновременно устремились вперед. Кто-то бежал быстрее, но скорость означала здесь только половину успеха, и я была четвертой, кто впрыгнул в вихрь.

Краем глаза я заметила, как некоторых из моих единомышленников тут же выбросило из вихревого потока. Я закрыла глаза, чтобы сконцентрироваться, ровно так, как делала это во время многочисленных симуляционных занятий.

Будь быстрой как стрела, вспомнила я слова своих учителей. *Чувствуй поток, но никогда не приближайся к нему слишком близко.*

И тут вихрь окружил меня с головы до ног, стал затягивать, окутывая электрическим мерцанием, за которым следовал яркий свет.

Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель, думала я.

Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель.

Каждое движение происходит во времени и имеет свою цель.

Затем я растворилась в небытие.

2

Вокруг меня была вода. Инстинктивно я хотела вдохнуть в себя воздух, но вместо этого в мой нос устремлялась холодная соленая жидкость, от которой я могла задохнуться. Я начала сучить ногами, выталкивая себя вверх. Так я, по крайней мере, *надеялась*. Мне хватило нескольких ударов ногами, чтобы я наконец достигла поверхности воды. Я откашливалась до тех пор, пока мои легкие не наполнились воздухом.

Я сделала это. Я на самом деле прыгнула через вихрь!

Я быстро осмотрелась вокруг. Небо было ярко-синим – наверное, был самый разгар дня. Я выдернула вверх правую руку и посмотрела на детектор. Длинная стрелка все еще вращалась по кругу, что означало, с одной стороны, что я больше не нахожусь в том же часовом поясе, а с другой сто-

роны, что я ни в коем случае не могу ждать, пока детектор перестроится.

В принципе, мне было неважно, сколько сейчас времени. Я явно приземлилась не в Темзе, для этого воздух был слишком влажным, а вода слишком чистой. Что опять же означало, что мне следует как можно быстрее найти следующий вихрь, чтобы снова вернуться в Новый Лондон.

Я еще раз посмотрела на детектор. На нем мигнуло два маленьких зеленых круга, значит, вихри находились где-то поблизости. Я начала поворачиваться на плаву, пока встроенный компас не стал показывать правильное направление. Затем я проверила свой рюкзак и поплыла.

Прыжок через вихрь вызывал легкое головокружение – это я поняла еще во время занятий на симуляторах. Учитель по *Практическим техникам прыжков* объяснял нам, что реакция нашего организма на прыжок через вихрь напрямую связана с длиной этого вихря. Если портал длился только от Нового Лондона до Эдинбурга, то это не причиняло почти никакого вреда. После прохождения самого на данный момент длинного вихря, который тянулся через половину земного шара, у одного вихревого бегуна было зафиксировано состояние, при котором его рвало так, словно душа хотела вырваться из тела наружу.

Мне пришлось потратить какое-то время и силы, чтобы избавиться от легкого чувства тошноты, – значит мы по меньшей мере были не в Европе.

Я взглянула по сторонам поверх бирюзовых волн. Мои единомышленники должны были приземлиться где-то недалеко от меня, но я никого не увидела.

«Луке это очень не понравится», – подумала я. Плавание всегда было одним из немногих видов спорта, в которых он совсем не блистал. Но с тех пор, как он узнал, какие страшные силы таились в его крови, с тех пор, как он узнал, что по крайней мере частично принадлежит к *ним*, он старался максимально избегать воды.

«Так, не думай о Луке», – предупредила я сама себя. Сосредоточься, твое будущее зависит от этого дня. В общем, я прибавила сил, кролем прокладывая себе путь сквозь соленую воду, и немного погода выбралась на жемчужно-золотой песчаный пляж. Мы что, приземлились на Карибах? Я побежала прямо вдоль ряда пальм. Лианы, папоротник, красочно цветущие кустарники простирались во все стороны. Только сейчас я осознала, как невыносимо жарко было здесь. Вокруг стрекотали насекомые и щебетали птицы. Где-то вдалеке даже был слышен рев обезьян.

Я закрыла глаза и попыталась приглушить шум джунглей. Детектор на моей руке завибрировал, зеленые точки увеличились, и я замерла, чтобы сориентироваться. Один вихрь находился на севере, один – на юго-западе; к счастью, оба они были на земле. Осталось только выяснить, какой из них быстрее всего доставит меня домой.

Числа, которые загорелись рядом с зелеными точками, по-

казывали направление, длину и продолжительность жизни вихря, но это ни о чем мне не говорило, пока навигационная система не покажет, где я нахожусь. И только тогда я смогу оценить, какой из вихрей поможет мне быстрее добраться до цели. А стрелки тем временем продолжали крутиться.

Я закрыла глаза и сделала пару глубоких, спокойных вдохов. Потом я прислушалась к самой себе. Прошло немного времени, пока я не почувствовала, как издалека в мою сторону направилось знакомое шевеление.

Я вспомнила слова нашего учителя о том, что вихри, с которыми мы упражнялись на симуляционных занятиях, имели мало общего с настоящими вихрями. Вихри в реальности проникали сквозь все, что только попадалось им на пути; они смешивали камень с водой, с воздухом, с землей. Поэтому они оставляли следы, которые мы ощущали только тогда, когда были предельно внимательны.

Оба вихря были совсем недалеко от меня. Тот, который находился на юго-западе, казался скорее мокрым и холодным, в то время как вихрь на севере был жарким и суровым. Приземлиться посреди океана было не совсем приятной мыслью, хотя это приключалось с бегунами довольно часто. В общем, я еще раз оглянулась, снова никого не обнаружила и побежала на север.

Я внимательно смотрела на землю, перепрыгивала через корни, мох и камни. Местность была непроходимой, и я была абсолютно уверена, что Гилберт именно поэтому выбрал

этот вихрь. Кураториум мог контролировать в этой гонке только две вещи: место, где мы приземлялись, и направление следующих вихрей. А главные штурманы постоянно подбрасывали нам новые испытания.

Все остальное было в руках кандидатов. С этого момента только мы решали, в каком направлении будем двигаться.

Некоторые бегуны часами искали подходящий вихрь, чтобы приземлиться как можно ближе к кураториуму. Другие прыгали в первый попавшийся вихрь, затем перепрыгивали в другой и в третий в надежде, что так они быстрее всех придут к финишу.

Зная Гилберта, который проводил месяцы, выбирая правильный вихрь, я понимала, что даже не нужно пытаться искать прямой путь к Новому Лондону.

Вероятно, никакого прямого пути и не было.

Вихрь, который выбрала я, находился впереди недалеко от меня. Я обежала дерево толщиной метр, перепрыгнула через один из торчащих из земли корней. И затем я услышала это. Хруст позади меня. словно сговорившись, серебристые фигуры других кандидатов неожиданно вынырнули из зарослей слева и справа от меня.

Ну великолепно! Эти прилипали следовали за мной! Первой я узнала платиновую блондинку Мию Розе с ее тщательно заплетенными косами. За ней по пятам следовал высокий темнокожий парень с короткими черными волосами и большими мускулистыми руками, который, насколько я зна-

ла, был кандидатом из Эдинбурга. За ним следовала низкого роста девушка с узким лицом и пучком волос на голове.

А затем между пальмами появился Хольден, но, в отличие от тех, кто решил воспользоваться ситуацией и посмотреть, куда побегу я, он пытался не бежать вслед за мной, а обогнать меня.

Плечом к плечу мы устремились к вихрю и переглянулись. Вокруг меня слышались шаги, их становилось все больше и больше, словно все сорок четыре кандидата устремились к одному порталу. Но, конечно, так не могло быть, потому что на каждой вихревой гонке кто-то выбывал из соревнования уже на первом прыжке. Концентрация их внимания была просто-напросто недостаточной, и вихрь выплевывал их на полпути.

Это в лучшем случае.

Я могла только надеяться, что Лука был среди оставшихся бегунов. С его концентрацией это могло быть непростой задачей.

Шевеление в воздухе между тем можно было уже увидеть. Вихрь находился прямо за верхушкой крутого склона, так что последний метр пути мы должны были преодолеть с помощью решительного прыжка. Я увеличила скорость, рванула вперед Хольдена на холм и...

Кто-то схватил меня за рюкзак, я вскрикнула и споткнулась. Черт! Мои ноги провалились в пустоту, прежде чем я смогла достичь вихря. Затем чей-то локоть воткнулся мне в

спину, последовал удар ногой под колено, из-за которого я в итоге упала. Я снова закричала, когда полетела вниз с холма. Надо мной промелькнула голова платиновой блондинки, и мне показалось, что я увидела ухмыляющуюся Мию Розе, прыгнувшую вслед за Хольденом в вихрь.

Черт, нужно было вести себя с ней осторожнее.

Я со стоном свалилась на землю, оказавшись прямо перед лемуром, который в безмолвии уставился на меня широко открытыми глазами.

Да, хотелось сказать ему. Я тоже очень удивлена.

На какое-то мгновение я поддалась своей боли, но затем снова встала на ноги. Я пошла спотыкаясь, вокруг меня мерцали какие-то световые блики, и я была благодарна, когда чьи-то руки схватили мои плечи и тем самым удержали меня от очередного падения.

Сначала я подумала, что, вероятно, вернулся Хольден, когда увидел, что я падаю, но вместо него на меня смотрел улыбающийся Лука.

– Пойдем уже, лентяйка, – сказал он и потянул меня за руку по склону вверх. – Потом отдохнешь.

– Тебе не обязательно было меня ждать, – прокряхтела я. Во время гонки каждый должен быть сам за себя.

– И оставить свою будущую партнершу по бегу? – спросил он, и его карие глаза весело заблестели. – Вообще не вариант. Давай уже догоним этих бездельников.

И сейчас уже я не смогла сдержать короткий, хриплый

смех.

После его диагноза многие кандидаты принимали Луку за фрика, но для меня он был просто мой лучший друг. Мой *единственный* друг. И моменты, подобные сегодняшнему, снова доказывали мне, почему это именно так, а не иначе.

Нам понадобилось пять мучительных минут, чтобы добраться до вершины склона. Мы вместе разбежались, прыгнули в вихрь, и поток воздуха понес нас вдаль от этого места. Я не стала сопротивляться этому движению, просто постаралась сгруппироваться, чтобы смертельные энергии не коснулись меня.

Симуляционные прыжки никогда не длились дольше двух-трех секунд. Как только ты оказывался в вихре, ты тут же снова покидал его. В действительности все выглядело совсем по-другому – я могла *видеть*, как вихрь ввинчивался в воздух над землей, видела моря, луга и обрывки неба, проплывающие мимо меня.

От красоты вихря у меня перехватывало дыхание. В первый раз, когда я прыгнула через вихрь, я закрыла глаза и не отважилась посмотреть вокруг. Но сейчас... о, сейчас я никак не могла насмотреться. Я с разрывающей сердце скоростью мчалась по миру и чувствовала, как адреналин наполнял мои вены.

Но все это слишком быстро закончилось.

Когда я сориентировалась в пространстве, вокруг меня была только пустыня. Песок. *Везде*. Передо мной, позади ме-

ня, по сторонам. Значит, именно эту жару я почувствовала до этого.

На этот раз Лука приземлился недалеко от меня. Остальные кандидаты – одиннадцать, двенадцать, пятнадцать – мчались по дюнам уже далеко от нас. Было просто невозможно догнать их, тем более что при каждом шаге ноги утопали в песке и вытащить их оттуда стоило больших усилий. Уже на полпути я полностью выбилась из сил, вытаскивая себя из одной дюны и тут же утопая в другой.

Когда мы доползли до вихря, который между тем уже наполовину утонул в песке, другие участники гонки давно исчезли из виду. Черт! Нам нужно было прыгнуть прямо в центр, но он был полностью засыпан песком. Мы тут же начали откапывать его, и песок был такой горячий и так обжигал пальцы, что скоро я уже дрожала от боли.

– Остановись. Дай я сам это сделаю, – сжав зубы, сказал Лука.

Он отодвинул меня в сторону, так что я вынуждена была остановиться. Его пальцы безо всяких усилий опускались в горячий песок снова и снова.

– Лука...

Я в нерешительности смотрела на него, но он продолжал откапывать песок.

– Что? – прошептал он. – Сейчас это хотя бы пойдет на пользу делу.

Я сжала губы и ничего не ответила на это. Лука не имел

права использовать свою способность, и уж тем более во время вихревой гонки. Если бы нас сейчас обнаружил дрон, Лука был бы дисквалифицирован. И я, скорее всего, тоже.

На самом деле он ничего такого не делал. Он же не виноват в том, что его кожа могла безболезненно переносить жару.

Лука все раскапывал и раскапывал песок, а я напряженно вглядывалась в красный индикатор на моем детекторе, который оповещал о том, что вихрь будет стабилен еще какое-то время, а затем исчезнет. Черт побери! Я уже видела, как он мигал по краям. Еще немного, и он испарится.

– Быстрей! – закричала я и снова кинулась помогать Луке.

Ну вот мигание стало сильнее. Мы почти справились! Если мы сейчас же не прыгнем, то вихрь исчезнет, а мы мы застрянем в этой пустыне.

Как только мы освободили вихрь, я схватила Луку за руку и потянула за собой. Секунды спустя я с облегчением почувствовала себя объятай знакомым потоком и отпустила Луку.

У нас снова все получилось.

Как только мы начали движение, нас качнуло. Вихрь устремился над земной поверхностью, и вибрации затрясли меня намного сильнее того, к чему я привыкла. Вскоре я потеряла Луку из виду и сосредоточилась только на себе.

В реальном мире каждый вихрь устроен по-своему, вспомнила я слова Гилберта, когда он по вечерам давал мне и Луке дополнительные уроки в симуляционных кабинках.

Он тайно проводил нас в наблюдательный пункт главного штурмана – помещение, о котором никто не знал, даже другие штурманы, – и показывал нам, как функционируют симуляторы. *Эти вихри созданы искусственно, и они все одинаковые. В действительности все совсем по-другому. Там они могут уничтожить вас, прежде чем вы успеете моргнуть. Если вы на самом деле хотите обуздать вихрь, вам необходимо знать, что он из себя представляет. Только тогда вы сможете овладеть им.*

Я крепко стиснула зубы. Этот вихрь определенно не хотел, чтобы его обуздали, но мне в какой-то степени удалось удержаться в его середине. Когда поток иссяк, я сделала кувырок, приземлилась на твердом асфальте и осталась лежать на нем, совершенно обессиленная.

Встав на ноги, я обнаружила, что стрелка на детекторе снова кружилась. Я находилась на площади, с одной стороны которой располагались роскошные дома. Луки нигде не было видно – наверное, он выпрыгнул в другом месте. Но все же я была здесь не одна. Несколько сотен шикарно одетых людей стояли на площади и глазели на экран, установленный на фасаде одной из высоток. Позади, рядом с многочисленными двухмачтовыми судами, возвышалась огромная роскошная яхта.

О'кей...

Я вдруг с болью осознала, что уже выгляжу абсолютно растрепанной. Всякий раз, когда я шевелилась, из моих волос

высыпалась смесь из песка, листьев и цветочной пыльцы. Не сомневаюсь, что в моей шевелюре нашлось место и для каких-нибудь жучков.

Тут стрелка детектора замедлила свой ход и показала мое местоположение.

Ну, великолепно. Я приземлилась прямо в *Каннах*.

Едва осознание этого заполнило мою голову, как на меня обрушилось невероятное количество вспышек. Люди бросились ко мне.

– Ils sont là!¹ – взволнованно крикнула одна женщина. – Les Coureurs!²

Некоторые роскошно одетые, красивые люди протягивали мне ручки и бумажки или дорогие дамские сумочки, и я сначала вообще не поняла, что это значит, пока кто-то из толпы наконец не крикнул: «Автограф!»

Вы что, серьезно? Я же еще не стала бегуном, но даже если бы и была им! Мы же были только на полпути к финишу!

Я быстро отвернулась от толпы и посмотрела вверх многочисленных голов.

С одной стороны высотного дома, возвышавшегося недалеко от порта, я увидела трансляцию прямого репортажа с гонки. Сегодня повсюду в мире были запущены дроны, которые передавали актуальную обстановку с трех площадок: кандидаты, которые ныряли с помощью водолазных масок,

¹ Они здесь! (*фр.*)

² Бегуны! (*фр.*)

кандидаты, которые оказались в пустыне, и еще одна группа кандидатов, которые как раз только начали взбираться на колокольню.

На заднем плане определенно был виден порт Канн, значит, эта башня находилась где-то в городе.

Я обернулась через плечо. Вспышки неприятно слепили глаза, но я все же увидела башню с огромными часами посередине. Она возвышалась над домами на севере города, оценить расстояние до нее было невозможно.

– Пропустите меня! – крикнула я и стала протискиваться через толпу.

Меня обнаружил какой-то дрон, потому что мои не совсем деликатные усилия по прокладыванию пути тут же появились на большом экране, висевшем на высотном здании.

Прошла целая вечность, прежде чем я оставила позади себя эту свору богатых зевак. Я мчалась по переулкам города, мимо быстро, парков и роскошных отелей, и пыталась придерживаться направления башни, что на извилистых улицах было совсем нелегко. Канны до отказа были набиты туристами. Объяснялось это просто – после Великого смещения этот город оставался одним из последних на французском побережье, который не до конца был похоронен под песком.

Пробегая между домами, я много раз теряла башню из виду. Мой компас мигал красным цветом всякий раз, когда я отдалялась от вихря, и я каждый раз чертыхалась, когда переулок, по которому проходил мой путь, возвращал меня об-

ратно.

Наконец я достигла колокольни. Она находилась на небольшой круглой площади, на которой, к счастью, было немногочленно. Несколько человек собрались возле фонтана, расположенного перед входом в церковь.

Вопреки моим опасениям, кандидаты, одетые в серебристую униформу, все еще были там. Они растерянно висели на шпиле колокольни и ожесточенно спорили друг с другом. Сначала я не поняла, в чем проблема, но потом посмотрела вверх и тяжело вздохнула про себя.

Никто из кандидатов до сих пор не мог добраться до вихря. А все дело было в том, что тот висел в воздухе на расстоянии нескольких метров от шпиля башни... слишком далеко, чтобы в него прыгнуть.

3

Я внимательно посмотрела на свой детектор. Ничего не происходило – на нем горел только этот зеленый свет. Другого вихря не было, по крайней мере, не в этом городе. А этот вел в очень холодную местность, которая, казалось, не приближала нас к Новому Лондону, но и не уводила еще дальше от него.

Вихрь был нашим единственным шансом, и я осмотрела местность в поисках какого-нибудь решения. На башне сидели одиннадцать или двенадцать кандидатов. Сложно было

определить, сколько еще осталось участников, потому что, чем дольше длилась гонка, тем больше людей рассеивалось по всем сторонам света.

В любом случае никто из них еще не финишировал в кураториуме. Иначе я давно уже получила бы сообщение на свой детектор.

– Ну, есть идеи? – услышала я чей-то голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела прямо перед собой светло-карие глаза Хольдена.

Казалось, что ему было забавно наблюдать за кандидатами, висевшими в нерешительности на верхушке колокольни. Он конечно же тоже заметил, что достичь вихря невозможно.

– Еще нет, – призналась я. – А может, у тебя совершенно случайно есть с собой лестница?

– Случайно нет, но, может быть, мы найдем какой-нибудь трамплин, – рассмеялся Хольден.

– Или ходули, – добавила я, и мы улыбнулись друг другу.

Затем мы снова посмотрели вверх на башню. Она находилась не особенно высоко, но явно выше окружающих ее крыш. Поэтому прыгнуть с какого-либо другого места в вихрь не представлялось возможным. Единственным достаточно высоким для этого зданием был музей, но он, к сожалению, располагался на расстоянии десятка метров от церкви на другой стороне улицы.

Хотя...

Я сняла со спины рюкзак и стала перебирать его содержимое. После того как я нашла нужный сверточек, я вскрыла его и вытащила оттуда веревку.

– У тебя все-таки *есть* идея, – произнес Хольден и заинтересованно приблизился ко мне.

Теперь он стоял так близко от меня, что я чувствовала запах его шампуня. Сандаловое дерево и еще что-то, напоминающее грейпфрут. Сердце мое забилось чаще, и я кивнула в ответ.

– Ты сможешь мне?

– Конечно, – сказал Хольден. – Если ты возьмешь меня с собой.

В ответ я подняла брови:

– Конечно.

Об этом можно было даже не спрашивать.

– Ну давай тогда, партнерша.

Партнерша. Я быстро прикусила губу и ничего не сказала в ответ.

Я указала на здание музея и с надеждой протянула Хольдену один конец веревки.

Его взгляд проследовал в направлении моего пальца, затем он снова посмотрел на веревку и, наконец, вверх на вихрь. Постепенно на его губах появилась улыбка.

– Я понял! – прокричал он мне, схватил протянутый ему конец веревки и побежал по улице.

Проходим, которые уже начали оживленно показывать на нас пальцами, он недвусмысленно дал понять, чтобы они сохраняли дистанцию.

Между тем веревка в моей руке становилась длиннее и толще по мере своего растяжения. В то время как Хольден мчался в другую сторону, я, стараясь оставаться незамеченной, продвигалась к задней стене церковной башни. Остальные кандидаты продолжали яростно спорить о том, что можно было предпринять в данной ситуации. Видимо, некоторые из них как раз решили, что сделают прыжок, что меня вполне устраивало.

Первым, кто отважился на прыжок, был тот самый высокий натренированный парень. Он подбросил себя в воздух, но, как и ожидалось, промахнулся на несколько метров и тут же упал, сильно ударившись о землю. Его рост помешал ему правильно сгруппироваться и сделать кувырок. Он закричал от боли, схватившись за ногу, которая, скорее всего, сломалась.

Парню повезло, что его униформа смягчила удар. Экзоскелет, вплетенный в ткань, не только делал нас быстрее и сильнее, но и сглаживал удары и жесткие приземления. Иначе у него сейчас была бы сломана не только нога.

С вершины башни раздались взволнованные крики.

Я спокойно подождала, пока остальные кандидаты спрыгнут с башни. Никто из них не дотянул до вихря, даже частичного, но многие извлекли урок из прыжка парня. Последова-

ли прыжки в длину, кувырки, повороты в воздухе, приземления на четыре опорные точки – все это мы натренировали до тошноты во время учебы.

В конце концов, все это составляло часть повседневной жизни бегуна.

Как только я убедилась в том, что башня свободна, я привязала веревку к петле на своем ремне и начала карабкаться наверх.

На руках наша униформа была снабжена выдвигаемыми крючками, которыми я и цеплялась за камни стены. Веревка на моих бедрах натянулась, что означало, что Хольден уже начал карабкаться наверх.

Как только мы оба оказались наверху, мне нельзя было терять ни минуты, так как на детекторе у меня на запястье снова начался обратный отсчет. Через какое-то время вихрь должен был исчезнуть.

– А это что еще такое?

Снизу раздался голос, такой резкий, что мне даже не пришлось смотреть вниз, чтобы узнать, кому он принадлежал.

Меня мало беспокоила Мия Розе. Я привязала толстую веревку за железную решетку, которая ограждала шпиль башни. Быстро проверила, надежно ли держит узел, затем повернулась и посмотрела в сторону музея. Хольден поднял вверх большой палец, поэтому я нажала на кнопку на конце веревки и подождала, пока не раздалось легкое жужжание и она не натянулась так, как мне было нужно.

Как я и предполагала, веревка проходила точно над вихрем. Теперь нам нужно было с помощью рук добраться до середины и прыгнуть прямо в него.

Другие кандидаты, кажется, тоже поняли это, потому что подо мной раздались возбужденные крики, в то время как кто-то снова начал карабкаться на вершину башни.

Я села на край железной ограды и взяла в руки веревку. Ого, как же здесь было высоко! Я на мгновение закрыла глаза, а затем соскользнула вниз. Я зацепилась ногами за веревку, схватилась покрепче и стала передвигаться вперед.

Я увидела, как с другой стороны ко мне уже приближался Хольден. В отличие от меня, он пытался пробежать по веревке, что существенно ускорило его передвижение, но в то же время порядочно раскачивало ее.

Но... кто это был позади него? Неужели это...

Лука! Внутренне я очень обрадовалась, когда увидела его рыжую шевелюру.

Он и Хольден что-то прорычали друг другу, но они хотя бы не дрались, что по сравнению с последним школьным годом было настоящим прогрессом.

Веревка скрипела под нашей тяжестью по мере продвижения вперед, так как кандидаты позади меня также начали передвигаться к вихрю. Она качалась туда-сюда, и мне пришлось приложить силы, чтобы удержаться, в то время как Хольден уверенно продолжал свой путь.

Но Лука тоже догонял Хольдена. Они крепко сцепились

на последних метрах, пытаясь сбросить друг друга вниз, и так и упали в вихрь, который в мгновение ока унес их прочь.

Мне оставалось продвинуться еще на два или три метра. Остальные уже приближались ко мне. Соленый ветер, дувший с моря в нашу сторону, развевал мои волосы, и песок, приклеившийся к ним, попадал мне в лицо.

Еще один рывок, а потом...

– Забудь... об этом! – крикнула Мия Розе, схватив меня за ногу.

Ну нет, поклялась я сама себе, я не допущу, чтобы это случилось со мной во второй раз за день, и с силой пнула Мию. Я попала ей по плечу, она покачнулась, но, к сожалению, недостаточно сильно, чтобы упасть.

Вихрь между тем был уже почти подо мной. Если я отпущу веревку, то приземлюсь прямо в него. Я окинула взглядом десятков кандидатов, которые с красными от напряжения лицами болтались на веревке, и приняла решение.

Сегодня только десять из нас пройдут это испытание.

И я должна стать одной из них.

Я еще раз замахнулась ногой, но на этот раз моей целью была не Мия, а веревка. Я вдавила выдвигаемые крючки на ботинке в волокна веревки и дернула их на себя. Тут же одна из нитей порвалась, и я продолжила делать задуманное...

– Что ты делаешь? – в панике завизжала Мия и снова попыталась схватить мою ногу.

Я ударила Мию еще несколько раз и продолжила дергать

проклятую веревку, пока наконец не порвала ее.

Из-за высокого натяжения половинки веревки, словно резина, отскочили назад в разные стороны. И пока кандидаты, увлекаемые веревкой, один за другим не самым мягким образом ударились о церковную стену, я как можно быстрее выпустила канат из рук.

Падая в вихрь, я все еще пыталась сбросить с себя Мию, но она железной хваткой держала меня за голень. Вихрь мотал нас из стороны в сторону – настолько плохим был мой прыжок. Рука Мии попала в жужжащие с краю вихревые энергии, и она закричала от боли. Ее униформа порвалась, кожа покраснела, она едва могла добраться до центра потока. У меня сильно закружилась голова, и, прежде чем потемнело в глазах, я ударилась лицом о снежную гору.

Дрожа, я встала на колени и ощутила дуновение ледяного ветра.

И где же мы приземлились на этот раз?

Мой детектор к тому времени уже перестроился. Я находилась в том же часовом поясе – значит, мы прыгнули не так далеко. Наверное, мы находились где-то в Альпах, потому что передо мной полукругом простиралась панорама с бесконечными высокими вершинами, покрытыми снегом.

Я никогда еще так не радовалась тому, что наша униформа может выдерживать экстремальные температуры. И все-таки мне было сложно не закрывать глаза при таком ледяном ветре. Я быстро встала и сделала шаг вперед.

У меня под ногами что-то хрустнуло.

– Не двигаться! – услышала я голос Луки.

Я медленно повернулась и обнаружила своего друга в нескольких метрах от меня. Он стоял, расставив ноги и уставившись вниз.

Я последовала его примеру и посмотрела вниз. Осторожно смела ногой снег в сторону.

О нет!

Я приземлилась совсем не в глубокий снег, а посередине замерзшего горного озера. От моих ног во льду в разные стороны уже тянулись тонкие трещинки.

Я быстро осмотрелась. Всё вокруг было покрыто толстым слоем пушистого снега, так что почти невозможно было понять, где точно находился берег. С одной стороны озера стояли горы, которые развернулись перед нами, словно гигантский амфитеатр. С другой стороны, совсем недалеко от нас, находилась зияющая пустота. Кажется, озеро здесь граничило со склоном. Я совсем не хотела знать, какой глубины оно было в этом месте.

– Мы должны что-нибудь сделать! – крикнула я Луке, с трудом переводя дыхание.

Передвижение по веревке стоило мне очень многих сил.

Я услышала шум позади себя. Обернувшись, я обнаружила Хольдена, бегущего к той стороне, где стояли горы, на расстоянии примерно пятнадцати метров от нас. Судя по его уверенным шагам, он, скорее всего, бежал уже по твердой

поверхности. И тут я увидела еще кое-кого. Это была Мия Розе. Она выпрыгнула из вихря недалеко от нас и тоже с опаской смотрела себе под ноги.

Хольден остановился, когда увидел, что мы с Лукой находимся в щекотливом положении. Издалека я смогла разглядеть его улыбку.

– Извини, партнерша! – раздался надо льдом его крик, затем он повернулся и помчался дальше.

Мой взгляд скользнул в сторону гор, и я сразу поняла, куда он стремился. На выступе скалы, недалеко от подножия, мирно жужжал вихрь.

Хольден уверенно продолжил свой путь, и во мне вспыхнула искра разочарования, хотя я прекрасно понимала, что он не мог меня ждать.

За вихрем находился... Новый Лондон. Я не знала, откуда у меня появилась эта внезапная мысль. Столь точно предсказать заранее, куда мог привести вихревой поток, было невозможно. Мы только чувствовали... температуру, запахи, структуру почвы, водных объектов, воздуха. Детектор показывал нам направление, но не цель.

И все же за этим вихрем был Новый Лондон. Я была в этом уверена. А это означало, что мы проиграем эту гонку, если тотчас же не уйдем с этого озера.

– У меня есть план! – крикнул Лука.

– И какой? – поинтересовалась я, стараясь, чтобы голос звучал не слишком скептически. Планы Лукаса, как прави-

ло, имели шансы на успешную реализацию в соотношении пятьдесят на пятьдесят.

– Мы поплывем!

От удивления я округлила глаза.

– *Поплывем?* – прокричала я сквозь порывы ветра в надежде, что ослышалась.

Он же не намеревался сделать это всерьез...

Но Лука уже наклонился вниз и положил руку на лед, покрывавший все озеро.

– Лука, нет! – крикнула я, но было поздно.

Кончики его пальцев покраснели, и я с ужасом увидела, как тонкие ручейки лавы, словно капельки пота, закапали из его кожи на лед. Лава распространялась будто паутина, извиваясь в моем направлении и заставляя в мгновение ока таять замерзшую поверхность, на которой мы стояли.

Мы с Лукой одновременно рухнули вниз. Я выплюнула воду и начала грести руками в яростной решимости запаниковать, но наконец осознала, что вода уже не была холодной, я не была окружена смертельным льдом, а Лука проложил путь прямо к спасительному берегу, который сейчас был похож на узкую полоску между склоном и озером. Вода была спокойной, почти теплой и манящей.

– Тебе нельзя применять свою способность, – прошептала я сквозь зубы Луке, который только смеялся и так свободно плыл кролем, как будто мы были не в озере, а в бассейне института.

– Ты потом меня отблагодаришь! – крикнул он в ответ.

– За то, что ты мухлевал? Это против правил!

Лука в ответ только еще громче рассмеялся:

– Ты же сказала, что я должен что-нибудь сделать. В следующий раз выражайся яснее!

Я в растерянности плыла вслед за Лукой. Он уже ожидал меня на узкой полоске берега и помог выбраться на сушу. Как только я вылезла из теплой воды, то начала дрожать еще сильнее, чем прежде.

Тот факт, что местность прямо перед нами заканчивалась склоном горы, совсем не способствовал тому, чтобы я чувствовала себя лучше.

Позади нас все скрипело и трещало. Там, где стояла Мия, лед все еще был цел. Она бросала на нас гневные взгляды, шаг за шагом пробираясь к берегу. Отсюда мне намного лучше было видно структуру озера... Я видела пятно бирюзового цвета недалеко от берега, где лед был особенно тонким. Пятно, к которому направлялась Мия.

Раздался резкий визг, и она вместе со своей идеальной прической провалилась в озеро. Мия гребла руками, тонула и снова выныривала, тщетно пытаясь уцепиться за осколки льда.

– Пойдем! – крикнул мне Лука и указал на гору, до которой отсюда можно было дойти по широкой дуге.

Вихрь с неослабевающей силой мерцал на выступе. Хольден давно уже исчез из виду, и Лука рванул вслед за ним.

Но я все медлила. Мне вспомнился юноша, участвовавший в прошлогодних гонках. Юноша, которого, несмотря на его защитную униформу, не смогли спасти и который умер в одном из таких же ледяных озер.

Его родители раздавали интервью со слезами на глазах и рассказывали, как гордились своим сыном, погибшим на службе у кураториума.

Неважно, что в последние годы Мия делала мне подлости, неважно, как часто она издевалась над Лукой из-за его особенности... Я просто не могла оставить ее здесь вот так. Даже если бы мне оставалось только протянуть ей с берега руку, чтобы вытащить ее из воды.

Но прежде чем я обернулась, кто-то с силой толкнул меня. Мия самостоятельно выбралась из ледяной проруби и бросилась своим мокрым телом на меня, чтобы освободить себе дорогу. Я ухватила ее за нее, мы обе наклонились в сторону ледяной пропасти. Мия грохнулась на землю, потянув меня за собой, и я потеряла равновесие. Замахала руками в воздухе, но не смогла ни за что зацепиться, потому что вокруг были только крутой склон и ледяной ветер, неумолимо увлекающий меня вниз.

Я даже не смогла ничего крикнуть, когда в свободном полете полетела вниз, в самую глубину.

Я падала.

Само падение не было чем-то необычным, в отличие от его продолжительности, что внушало мне серьезные опасения.

За какие-то мгновения воздух вокруг меня перестал быть ледяным и прозрачным, я почувствовала запах выхлопных газов, жира и соли.

Как только я увидела, что ко мне стремительно приближается земля, до которой оставалось всего несколько метров, я уже не могла сдержать свой крик. В панике я нащупала первое, что попало под руку. Это была ржавая пожарная лестница. Я ощутила, как шершавая поверхность содрала мне кожу, но все равно не выпустила перекладину из рук. Через пару метров я со стоном приземлилась животом на твердый асфальт.

Я не шевелилась. Даже не была уверена, смогу ли я вообще это сделать. Вместо этого я сконцентрировалась на том, чтобы впустить в свое тело воздух, на том, чтобы сделать пару осторожных вдохов и в остальном оставаться по возможности без движения. Каждый вдох и выдох приводил к беспокою меня хрипу в легких, а при каждом глотке я ощущала привкус меди.

Я осторожно подняла голову и осмотрелась вокруг.

И где это я приземлилась? Это определенно были уже не Альпы, с этим все ясно. Было очень темно, я упала в какой-то переулок какого-то города, потому что слышала, как где-то проезжали машины и завывали сирены. Поверхность, на которой я лежала, представляла собой серую брусчатку, а на ней был... тонкий слой льда.

Ну великолепно. Неважно, где я приземлилась – здесь была не только полночь, здесь, как и прежде, было очень холодно. В небе надо мной застыли немногочисленные круглые облачка, выглядевшие как плесень в чашке Петри.

Я обхватила верхнюю часть тела, чтобы проверить, цела ли я.

Вот чертова Мия! Я пожалела ее в последний раз!

И как вообще я смогла пережить такое падение? Вероятно, я упала сквозь какой-то вихрь. По-другому все это было не объяснить. Вот только откуда он взялся? Мой детектор показывал только тот вихрь, который находился на вершине горы. А может, этот вихрь зародился как раз тогда, когда я свалилась в пропасть?

– Это выглядело довольно опасно, – раздался чей-то голос.

Я вздрогнула от неожиданности.

Собрав все свои силы, я подняла голову и увидела пожилого мужчину, прислонившегося к стене в паре метров от меня. Он сидел на стопке размокших картонных коробок в куче из дырявых пальто и шарфов. Около него в бочке горел

огонь.

– Может, вам не стоит в будущем совершать такие трюки, – предложил мне бездомный.

Я, наверное, рассмеялась бы, если бы у меня не болела грудная клетка. Понятно, что для него все произошедшее выглядело так, словно я из чистого безрассудства прыгнула с крыши.

– Спасибо, – сказала я и попыталась встать на ноги, что у меня не очень-то получалось. – Я прислушаюсь к вашему совету.

Сидя на коленях, я потянула за униформу, пока не отстегнула капюшон и не стянула его через свою голову.

– О, – услышала я голос мужчины. – Ты одна из *этих*.

В его голосе я услышала тревожные нотки, которые заставили меня замереть.

Я посмотрела вниз, на символ, который был у меня на униформе. *Convectum* — это был международный знак кураториума. Маленькая точка, делая петлю, уходила наверх, образовывала там круг, а затем снова делала такую же петлю, превращаясь в точку, но уже с другой стороны. *Convectum* символизировал способность передвигаться с одного места на Земле в другое, на каком бы расстоянии друг от друга они ни находились.

Краем глаза я увидела, как бездомный встал и с него спали все пальто. Слегка размытая картина перед моими глазами начала постепенно проясняться, и то, что я сейчас видела,

заставило кровь в моих жилах застыть.

Этот мужчина был совсем не бездомный. И он вообще не был старым. Его лицо было не просто морщинистым, оно было испещрено морщинами так, что казалось, будто оно отчасти состоит из коры. На его бровях обнаружились небольшие подушечки из мха, а вместо волос на голове у него были корни.

О черт! Это был человек-мутант. Человек-сплит. Это был *сплит*).

Фрик, пронеслось у меня в голове, но я тут же прогнала это слово и почувствовала, что мне стало стыдно, потому что многие так же называли Луку. Однако это чувство тут же сменилось возникшей паникой.

Вихревая гонка определяла наше назначение, но проверку непосредственного призвания бегунов – охотиться на сплитов и ловить их, чтобы доставлять в зоны, – этот экзамен не предусматривал. Эта часть обучения наступала только после того, как тебя принимали в пул бегунов. Кроме того, наше оснащение совсем не соответствовало подобной задаче. Оно было совсем не таким, как у настоящих бегунов или охранников зон. У меня на униформе не было гравитационных сенсоров, ничего, чтобы защититься от него.

И как вообще такой, как он, попал в город, полный людей? Кураториум бдительно следил за всеми городами; сплиты держались подальше уже только потому, что сразу же бросались в глаза и могли быть схвачены. Обычно они прята-

лись в безлюдной местности вне мегаполисов, где пытались укрыться от бегунов.

Этот мужчина был грундером³. Кожа, похожая на дерево, и корни на его голове не оставляли никаких сомнений. Грундеры были менее опасными по сравнению с другими представителями сплитов – не сравнить с цюндерами⁴ или вирблерами⁵. И все же если бы он захотел меня схватить, то у меня не было бы никаких шансов на спасение.

– Что ты здесь делаешь? – спросил меня грундер.

Но, прежде чем я смогла что-либо ответить, в моем поле зрения возникла его рука. На какое-то мгновение я была загипнотизирована множеством корневых отростков на ней, но затем мутировавшие пальцы легли на ручку моего рюкзака, и волшебство исчезло.

Я приготовилась к прыжку. Есть у меня гравитационные сенсоры или нет, но нельзя было, чтобы сейчас меня задержал какой-то сплит!

Меня качало из стороны в сторону, но я заставила себя подняться. Ноги скользили по мокрой земле, но я сопротивлялась. Я вовремя схватилась за лямку рюкзака и дернула его на себя.

– Не подходи! – прошипела я.

– Все в порядке, я просто хотел помочь.

³ От нем. Grund: *грунт, земля, почва.*

⁴ От нем. ziinden: *поджигать, воспалять.*

⁵ От нем. wirbeln: *завихрять, кружить (о ветре).*

Его лицо, похожее на кору дерева, снова появилось передо мной, на этот раз с удивленно поднятыми вверх бровями из мха. Я увидела у него между зубами небольшие комья земли, как будто он съел булочку с маком.

– Где я? – спросила я, держа рюкзак так, словно он был моим оружием.

Мое дыхание белым зимним облачком отлетело от моих губ.

Грундер наморщил лоб:

– Не понял.

– В каком мы городе?

Он несколько раз открыл рот, прежде чем смог что-либо произнести. Он покосился на мой детектор:

– А разве такие, как ты, не должны это знать?

– Просто скажи мне, где я.

– В Анкоридже.

У меня от удивления округлились глаза. Едва поднявшись на ноги, я вытерла о брюки кровь с внутренней поверхности ладони. Прислонившись к стене дома, я вытащила из внешнего кармана рюкзака бутылочку мятного масла и дрожащими пальцами стала откручивать крышку. Резкий запах мяты тут же ударил мне в нос. Я сделала глубокий вдох. Мягкое жжение, которое этот аромат оставил в моих глазах, было таким знакомым, что подействовало на меня успокаивающе. Словно необычайное чувство защищенности нежно накрыло тело и унесло меня из этого места. Головная боль от этого

запаха не исчезла, но хаотичное биение в моей груди замедлилось.

Анкоридж.

Аляска.

Я прыгнула на *Аляску*. Прямо с Альп. Неудивительно, что у меня так кружилась голова!

Внезапно мой детектор запищал, я поднесла его близко к лицу, чтобы рассмотреть изображение.

О нет. Это был сигнал. *Сигнал победы*.

Это означало, что уже определены четверо первых победителей гонки и остальные оставшиеся участники, вне всякого сомнения, уже давно были на пути к зданию института.

Это означало, что я могу проиграть.

Часть меня хотела просто сдать, но еще не все места из десяти были заняты. *Соберись*, подумала я и посмотрела в сторону переулка, ведущего к главной дороге. Еще один взгляд на детектор сообщил мне о том, что я и так уже давно знала: я перепрыгнула через полных девять часовых поясов.

Я в нерешительности посмотрела на грундера. Если бы я уже была настоящим бегуном, то передо мной сейчас стояла бы задача схватить его и сопроводить в специальную зону для сплитов, чтобы он больше не представлял никакой опасности для жителей этого города. Чтобы он не смог никому навредить своими мутациями. Чтобы он не смог убить чью-то мать.

Такому, как он, нечего здесь делать. Мир по понятным

причинам разделился на районы для людей и районы для мутантов, несмотря на то что такие сплиты, как этот грундер, снова и снова нарушали закон о вихрях.

Но я еще не стала бегуном. Сперва мне нужно было закончить эту чертову гонку.

– Ты здесь из-за него, не так ли? – спросил вдруг грундер. – Тебя послал кураториум.

Он в упор смотрел на меня зелеными глазами, напоминавшими мне леса Амазонки. Цвет был таким же насыщенным, как красный цвет магмы, извергаемой из вулкана, – такими были глаза Лукаса во время приступов.

– Из-за него? – спросила я в замешательстве. – Из-за кого?

Грундер посмотрел на меня сначала нервно, а затем с холодной решимостью:

– Я не допущу, чтобы ты выдала его. Я буду защищать его, и если нужно, то даже ценой своей жизни.

Что? О чем говорил этот тип?

Но прежде чем я смогла спросить его об этом, нечто другое привлекло мое внимание. За мусорными баками, за решеткой, которая отделяла небольшую нишу от тупика, что-то по-сумасшедшему гудело и мерцало. Вихрь! И как только я его не заметила?

Я пристально смотрела на вихрь и пыталась понять, куда он может меня привести. Но я не уловила ни намека на это, ни запаха, только аромат мяты, который я до сих пор ощущала у себя в носу.

«Ну и ладно», – подумала я и бросилась в сторону вихря. Все равно это было лучше, чем Аляска.

– Нет! – крикнул грундер и грубо схватил меня за руку. Его зеленые глаза сверкнули.

– Ты не слышала? Я не могу пустить тебя к нему!

– Дао ком, черт побери, ты говоришь?!

Его челюсть заходила ходуном. Ничего он мне не скажет. Вместо этого он сжал мою руку своей, словно зажимом. Широко раскрыв глаза, я наблюдала за тем, как его пальцы превращались в морщинистые корни, цеплялись друг за друга и не давали мне сорваться с места.

– Отпусти меня сейчас же! – прорычала я сплиту.

Когда он ничего не ответил, я добавила:

– Ты что, действительно хочешь восстать против кураториума? А ты в курсе, что в ваших зонах существуют тюрьмы, или нет?

Грундер посмотрел на меня почти что с сочувствием:

– Скоро не будет никаких зон. И кураториума тоже не будет.

От его слов, от его тона, словно это было нечто само собой разумеющееся, у меня опять сильно закружилась голова.

Кураториума больше не будет? Что за бред?! Кураториум – это единственное, что объединяло этот мир! Единственное, что еще удерживало сплитов от того, чтобы не сжечь дотла оставшиеся города, в которых проживали люди.

Я попыталась освободиться от хватки грундера, но безре-

зультатно. Он крепко держал меня своими отвратительными корнеобразными лапами. Но тут он посмотрел в сторону, и его глаза округлились.

– Черт, – прошептал он. – Только *не сейчас!*

В вихре произошло какое-то движение. Он гудел намного сильнее, чем прежде. Это происходило, когда кто-то передвигался через него. Как только мерцание стало еще интенсивнее, грундер шагнул назад и потянул меня за собой. Вихрь дернулся и вдруг прогнулся.

Он... *согнулся?*

Вихрь всегда представлял собой совершенный круг, а этот согнулся и снова выпрямился, как будто поменял направление... что было, конечно, *абсолютно невозможно*. Он поворачивался влево и вправо, вверх и вниз, дергался, вибрировал, а потом...

...потом перед нами вдруг появился мужчина, сидевший на корточках.

Или, скорее всего, это был юноша. Он был не старше меня, высокий и стройный, с голым торсом и босой. На нем были только мокрые насквозь черные джинсы, прилипшие к его бедрам. У него была бледная кожа, его руки дрожали, а лицо, на котором виднелась трехдневная щетина, было искажено от боли.

Он тяжело дышал и опирался на обе руки. Потом сплюнул кровь на асфальт. На одном из его запястий я увидела детектор – уже явно не новый, но, очевидно, представлявший

из себя модель кураториума Нового Лондона. Этот парень что, был бегуном? Но почему тогда именно сплит охранял его вихрь? И кто его так избил?

Поначалу показалось, что он совсем не заметил нас, но затем его голова дернулась вверх. Взгляд его голубых, как лед, глаз был стеклянным, зрачки – расширенными, черные волосы на голове превратились в воронье гнездо.

Напряжение постепенно отпускало его тело. Пошатываясь, он выпрямился. Затем его взгляд перекинулся на меня. Я давно, очень давно не чувствовала себя такой прозрачной, такой тонкой, как бумага.

– Что она здесь делает? – спросил он, и его слова были похожи на дрожащее дыхание.

Он осматривал меня с головы до ног, и я видела, что он находился в глубоком замешательстве.

Он явно не рассчитывал на зрителей.

Мне безумно хотелось отойти от него подальше, и я сделала шаг назад, насколько мне позволяла хватка грундера.

– Что я здесь делаю? – спросила я. – Мне интересно, что *вы* здесь делаете?

Как только я это произнесла, вихревой бегун не смог больше удержаться на ногах.

– Фагус, – простонал он и стал падать на землю.

Фагусом явно звали грундера, потому что он тотчас же отпустил меня. Его пальцы-корни в одну секунду снова стали нормальными; он сделал большой шаг вперед и подхватил

бегуна, который едва не растянулся на земле во весь рост.

– Все в порядке, мой друг, я держу тебя, – сказал Фагус и потрепал бегуна по волосам. – Мы доставим тебя в безопасное место. Домой, хорошо?

Мой друг? Сплит называл другом бегуна, который по своей природе должен был быть его врагом?

Я пришла в еще большее замешательство, когда бегун принялся меня рассматривать.

– Что она здесь *делает*? – снова спросил он, явно раздраженный моим присутствием. – Черт, она должна была оказаться не здесь!

Округлив глаза, я уставилась на обоих и не знала, что сказать. Что здесь происходит? У меня складывалось впечатление, что он меня знает, но при этом я была уверена, что никогда его не видела.

Я взглянула на вихрь. Он был моим единственным шансом, если я не хотела провести остаток жизни в роли рядового штурмана. Я... я должна была убраться отсюда, и неважно, что значила вся история с этим парнем.

Я осторожно сделала шаг вперед. Грундер и парень были слишком заняты собой, и я поняла: сейчас или никогда.

Когда я рванула с места, все в моем теле закричало о том, чтобы я легла и больше никогда не вставала. Ноги ныли, руки жгло, каждый вдох отдавался болью. Меня мотало из стороны в сторону, что мало было похоже на обычный прыжок. Гудение вихря, похожее на жужжание тысячи злых пчел, по-

глотило удивленный возглас грундера. Я даже почувствовала, как меня хотели удержать корни, которые он выбросил в мою сторону, но уже было поздно.

Вихрь унес меня, и на этот раз я уже ощущала себя не стрелой, а безжизненной материей, которую треплют сильные волны.

Наши преподаватели год за годом внушали нам, что не следует слишком близко приближаться к вихрю, но здесь и сейчас мне было абсолютно все равно.

Я до сих пор ощущала успокаивающий запах мяты в носу, он был даже сильнее, чем прежде, он словно кружился вокруг меня; аромат мяты, леса и дыма от огня, запах, который стал мне настолько знакомым, что мне казалось, будто я ощущаю его повсюду. Запах, который до боли напоминал мне о моей маме, о том, что она ушла и что я никогда больше ее не увижу.

Я закрыла глаза и подумала о Лис и Гилберте, представив себе, как они стояли у линии финиша во внутреннем дворе кураториума. Они были лучшими приемными родителями, которых себе можно было только представить. Я никогда не подумала бы, что могу их сегодня разочаровать. Я никогда не подумала бы, что могу проиграть гонку, но в этом я, вероятно, была слишком самонадеянной.

И тут неожиданно вихрь изогнулся. Он прямо-таки изгибался вокруг моего тела, словно энергия намеревалась влиться прямо в меня.

Я с трудом переводила дыхание, меня охватила паника. Вихрь мог запросто расплющить меня! Но ничего подобного не произошло. Вместо этого я приземлилась на оба колена на ставшую уже знакомой мне брусчатку, мои пальцы, как безумные, водили по вихрю, который отображался на ней голубыми и серыми красками.

Невозможно.

Это было просто невозможно.

Я посмотрела наверх и столкнулась со взглядом сотен растерянных лиц. Леденящая душу тишина висела над двором. Варус Хоторн, мои учителя, Гилберт, тетя Лис... все они, не мигая, смотрели на меня, широко открыв рты, и в следующий момент отовсюду раздались голоса.

Моя порванная одежда, песок, снег и листья в волосах представляли собой, вероятно, довольно странную картину для окружающих. Но не это так сильно взбудоражило людей. Все их внимание было направлено на мои колени, которые только что пересекли финишную черту.

Самое сумасшедшее в этом было то, что вокруг себя я не увидела ни одного кандидата. Экраны вокруг транслировали только мое изображение.

А рядом с моим изображением большими буквами высвечивалась надпись: «**ПОБЕДИТЕЛЬ**».

Этого просто не могло быть. Это была какая-то ошибка. Я же получила сигнал о том, что определены первые победители... Каким образом я могла приземлиться первой?

И тут за моей спиной послышались шаги. Я обернулась, словно в замедленной съемке, и увидела Хольдена. Его глаза округлились от шока, когда он пробежал мимо меня. На экране рядом с его изображением загорелась надпись: «2-е МЕСТО». Лука, Мия и все остальные обессилевшие кандидаты, появившиеся после меня, смотрели в мою сторону такими же недоверчивыми взглядами.

Потому что, несмотря на невозможное...

...я все-таки выиграла гонку.

5

Мне снился один и тот же сон.

Он снился мне на протяжении нескольких лет, если точно, то с того дня, когда умерла мама.

В воздухе висел запах пресной воды, и я слышала шум источника, журчавшего где-то поблизости. Утес, вдоль которого я пробегала, тянулся тонкой дугой над рекой. Мох и плющ обвивали его словно лианы, а сквозь камни пробивались яркие цветы. Из воды, словно чешуйчатые пирамиды, выступали причудливые базальтовые образования.

Запах леса сопровождал меня на каждом шагу. Я хотела потрогать цветы, но мои пальцы просто проходили сквозь них, словно были ненастоящими. Неловкими шагами я бежала по берегу по мокрой и холодной траве, пока в тени буквых деревьев не увидела очертания дома. Он был полно-

стью деревянным, таким знакомым, но в то же время очень чужим. Я подбежала к желтой, как солнце, двери дома. Мне даже показалось, что со стороны качелей в саду рядом раздался детский смех, и мне захотелось обойти дом, чтобы посмотреть, был ли там кто-нибудь.

Но прежде чем я поняла, что со мной происходит, в воздухе появилось что-то новое. Мне жгло глаза, было душно и тяжело, и...

Это был дым.

Где-то был пожар, дым струился сквозь травинки, словно жидкий азот. Он вился по стенам и балкам крыши, пока дом не занялся ярким пламенем.

Я закрыла глаза, сжала зубы и позволила вселенной, словно волне, накрыть меня с головой. Как будто все галактики разом промелькнули мимо меня, слишком быстро, чтобы успеть сосчитать их.

Крик разорвал тишину и вырвался наружу. Это был крик моей мамы. Я знала, что монстр с красными глазами собирался гнать ее к скалам за нашим домом. Я уже тысячу раз в самых разных вариантах наблюдала за тем, как она, гонимая страхом, бросалась в море, прямо на острые скалы, торчавшие из воды.

Внутри меня зарождалась надежда. Возможно, в этот раз у меня получится догнать ее. В этот единственный раз! Если бы мои маленькие ноги могли бежать быстрее, я, может быть, смогла бы спасти ее, может быть...

Я вздрогнула. Мое тело покрылось холодным потом, и это состояние, когда я пыталась освободиться от сна и привести в порядок свои мысли, длилось дольше обычного.

Это всего лишь сон, снова и снова повторяла я про себя. Глупый сон, который снился мне каждую ночь. Сон, который каждый раз возвращал меня в тот день, когда она умерла. День, в который группа цюндеров подожгла наш дом, а затем погнала мою маму до утеса. Последнее, что я запомнила, – мамин крик. Потом все вокруг стало белым. Как белое пятно на карте. Там, где однажды была страна, больше не было ничего. Это было стерто из моей памяти.

Дрожащими пальцами я ощупала свое тело сверху донизу и открыла бутылочку с мятой, которую пару часов назад тайком пронесла с собой в реабилитационную палату. Я три раза вдохнула знакомый аромат, после чего осмотрела выпуклую поверхность капсулы, в которой лежала. Я слышала только гудение струй, направляющих на меня сверху свой влажный воздух, и отсчитывала минуты до того момента, когда смогу наконец выйти отсюда.

От остальных кандидатов я уже слышала, насколько ужасным был период реабилитации. Когда бы ты не поранился, тебя засовывали в эту капсулу, в которой тебя не только сканировали на всевозможные повреждения с головы до ног, но еще и оставляли наедине со своими мыслями. Я была рада, что никогда прежде не оказывалась здесь, но после гонки нам назначили три часа на восстановление – невзирая на то,

какие были получены повреждения, – и эта тишина медленно, но верно погружала меня в состояние безумия.

Отдых для тела и духа, как же!

Если бы мне хоть на какое-то время удалось поговорить с тетей...

Я вздохнула и снова закрыла глаза. На этот раз я не усну, каким бы сонным ни было воздействие пара. Между тем я была совершенно уверена в том, что они подмешивали в него какие-то успокоительные средства, чтобы пациенты лежали неподвижно.

Пытаясь отвлечься, я нащупала цепочку на своей шее и вытащила наружу медальон. В нем находилась фотография, но не моя или моей мамы. Этот медальон когда-то принадлежал моей маме.

Он был вычурным, вся его серебряная поверхность была покрыта цветочными орнаментами. Он выглядел довольно старым, и все это давало мне основание вообразить, что моя мама, вероятно, получила этот медальон в подарок от своей мамы, а та, в свою очередь, от своей бабушки.

Запах мяты в носу сразу же напомнил мне о лукавой маминой улыбке, в то время как лицо в целом постепенно забывалось. Даже удивительно, как сильно мне ее не хватало, хотя с момента ее смерти прошло уже более семи лет.

После того как меня тогда привели к тете Лис – сестре моей мамы и моей единственной родственнице, внесенной в систему, – мне было очень тяжело привыкать к жизни с ней.

В микрорайоне с высотными домами, где тогда еще проживала Лис, было полно... *людей*. Миллионы людей; большая часть мегаполиса проживала на окраине, где простые небоскребы выстраивались друг за другом в ряд.

Я еще помнила, как сильно это меня тогда угнетало. Топот ног, sireны. Там *никогда* не было спокойно! Все было совсем иначе, не так, как в доме с желтой, словно солнце, дверью.

Но Лис все сделала для того, чтобы я чувствовала себя у нее хорошо. И хотя отношения между Лис и моей мамой были практически равны нулю, потому что их еще маленькими детьми после развода поделили родители, Лис нисколько не колебалась и никогда не жаловалась, что ей вдруг пришлось отвечать за травмированную десятилетнюю дочь своей ставшей чужой сестры.

И я вспомнила бесчисленные ночи, когда она ложилась ко мне в постель и натягивала одеяло поверх наших голов.

Если ты закроешь глаза, то сможешь представить, что вернулась обратно в лес. Представь, что мы в дупле дерева. А шум снаружи... Это всего лишь шелест листьев.

На какое-то мгновение я провалилась в свой сон. Но затем мне наконец удалось прогнать его из головы. И тут же его место заняли воспоминания о событиях сегодняшнего утра.

Вихревая гонка! Я действительно выиграла ее, пусть до сих пор и не понимала, что же там такое произошло. Насколько высока была вероятность, что вихрь, в который я запрыгнула на Аляске, катапультировал меня прямо на фи-

нишнюю черту?

Конечно, я знала ответ на этот вопрос. Точно так же, как знали его все в кураториуме: этот шанс был равен нулю.

Штурманы вели меня от финиша обратно в здание, а я находилась в абсолютно шоковом состоянии и едва замечала, что за нами следовали остальные девять победителей. Я мысленно пробежалась по именам, показанным на экране. Кому удалось попасть в число победителей? Однозначно это Хольден и Лука и, к сожалению, Мия. Она пришла третьей, опередив Луку. Изящная девушка с пучком волос попала, вероятно, только на двенадцатое место. А юноша из Шотландии? Этого я не знала.

Во всей этой суеде Лука устремился ко мне, обнял меня и стал что-то торопливо говорить, спрашивать о том, что же произошло. Но штурманы недвусмысленно дали нам понять, что вечером у нас еще будет много времени, чтобы обо всем поболтать.

На празднике победителей.

Но до него нам необходимо было пройти кучу процедур. По ходу гонки штурманы отмечали каждый наш шаг. С помощью детекторов данные тут же поступали в систему кураториума. Перед чествованием победителей существовала традиция, когда главный штурман, руководитель и другие штурманы отправлялись в обсерваторию, чтобы проверить ход гонки и исключить все нестыковки.

Обсерватория представляла собой огромное белое поме-

щение, которое находилось на уровне этажей, где проживали штурманы. Кроме кабин, в которых проводились симуляции, оно было снабжено мониторами слежения. Пока Хоторн и Гилберт просматривали данные за закрытыми дверями, мне и другим девятерым победителям оказывали первую помощь в примыкающем к зданию больничном крыле. Мне дезинфицировали и перевязывали ладони, колени и голову, а я сидела при этом, уставившись в пустоту. Я скучала по тете, по Гилберту и Луке. Это было каким-то сумасшествием – как я могла первой прийти к финишу?

Наконец всех нас собрали в фойе перед обсерваторией, и, как только открылась дверь, мне сразу же бросилось в глаза, каким бледным был Гилберт. Складка у него на лбу приняла невообразимые размеры, и, как только господин Хоторн побежал напрямик ко мне, я была уверена, что он тут же, прямо перед всеми, меня дисквалифицирует.

Но он ничего не сказал. Вместо этого он положил свои руки мне на плечи и поздравил с победой. Официальная речь и чествование победителей вместе с принятием присяги бегунов должны были состояться только сегодня вечером во время праздника, но, несмотря на это, он сказал слова, которые я не забуду никогда. «Каждая дорога ведет к цели, мисс Коллинз. Даже самая необычная».

Я снова не смогла переговорить с Гилбертом или Лукой, так как меня оттеснили от других и отвели в реабилитационную капсулу. И только там я поняла, что значили слова

Хоторна.

После сегодняшнего дня я больше не была кандидатом.

Я была *бегуном*.

Трудно было поверить в то, что моя мечта наконец-то осуществилась. У меня на губах появилась улыбка, и, когда *наконец-то* утихло гудение туманных струй и восстановительная капсула осветилась зеленым цветом, я почувствовала, как с моих плеч свалился груз.

На сводчатом потолке надо мной сам собой высветился список повреждений, полученных мной за время гонки, – сканер провел огромную работу. Я с облегчением вздохнула. Ничего из этого списка не указывало на то, что меня оставят в больничном крыле.

Прыжок на Аляску отнял у меня много сил, но изнеможение должно было скоро пройти. Я подняла крышку капсулы и осторожно встала. Затем укуталась в приготовленный для меня халат и направилась в сторону душа.

Издали я услышала голоса, увидела Мию и несколько других победителей, стоявших возле умывальных раковин. В отличие от меня, они были уже одеты. Луки и Хольдена среди них не было, поэтому я лишь пробормотала «привет» и попыталась максимально проигнорировать взгляды, брошенные в мою сторону. Мне было понятно, что они начнут шушукаться, едва выйдут за дверь. Все уставились меня, потому что я выиграла, хотя у меня, собственно говоря, не было никакого шанса.

Я быстро глянула в зеркало и убежала в сторону душевых кабин.

Как и в моем случае, гонка ни для кого не прошла бесследно. У всех были царапины, синяки и даже сломанные руки. У тех, кто не смог пересечь финишную черту, дела обстояли еще хуже. В больнице я узнала, что у парня, который сорвался с колокольни в Каннах, были многочисленные переломы. Одна девушка чуть было не утонула в открытом море и сейчас находилась в коме. Вихри сами по себе предполагали наличие многочисленных жертв. Одиннадцать кандидатов считались пропавшими без вести. Как обычно бывает после каждой гонки, на их поиски специально послали бегунов, но все мы понимали, какую опасность представляют вихревые энергии. Всегда было ясно, что некоторые из нас могут никогда не вернуться обратно. Но вот пережить это на самом деле было чем-то совершенно иным.

Я скинула халат и встала под душ. Горячая вода обожгла пальцы на руках и ногах, которые до сих пор не отогрелись. К сожалению, душ не добавил мне бодрости.

К счастью, когда я вышла, остальные уже исчезли. Я вытерла рукой конденсат на зеркале и посмотрела на свое изможденное отражение. Это напомнило мне о бегуне с голубыми, как лед, глазами.

В последние часы мысли о нем постоянно кружились у меня в голове. Откуда он появился? И как это связано с тем странным вихрем, который принес меня прямиком к фини-

шу?

Я провела руками по лицу, словно это могло ликвидировать все вопросы. Одной мне все равно не найти на них ответы.

А впереди у меня был очень длинный день.

Я быстро надела приготовленные для меня вещи: ботинки, джинсы, пуловер. Новую форму бегунов мы должны были получить позже. Потом я убрала волосы в хвост и побежала к выходу из больничного крыла, где мне выдали детектор и рюкзак. Проходя по столовой, я стянула яблоко и начала есть его на ходу.

Когда я вернулась в комнаты кандидатов, то немало удивилась. Все кровати в комнате были заправлены новым постельным бельем, личные ящики – пусты, а постеры, висевшие на стенах, исчезли. Неужели все остальные уже съехали отсюда? Но ведь гонка закончилась всего пару часов назад!

Конечно, я понимала, что, кроме меня и Луки, все обитатели нашей комнаты должны были покинуть кураториум, но чтобы так быстро? Я еще даже не знала, считался ли кто-нибудь из них пропавшим без вести. Я никого из них все равно больше не увидела бы. И хотя я особо ни с кем не общалась, мне вдруг захотелось, чтобы наше прощание прошло иначе.

Наверняка все они уже сидели в фургонах на посадочных платформах вокруг кураториума в ожидании выбывших кандидатов. Те, кто принимали участие в гонке, автоматически попадали на конкурсный отбор на должности охранни-

ков зон и штурманов. Они, конечно, могли подать заявление в какой-нибудь университет, но никому и в голову не могло прийти отказаться работать на кураториум после гонки.

Взглянув на детектор, я увидела, что было уже 16:45. В пять я должна была появиться в аудитории на посвящении новых бегунов.

Я задумалась, хватит ли мне времени написать сообщение тете, но как раз в этот момент из-за угла показалась знакомая фигура.

Свой любимый портфель, в котором лежали ожидающие рассмотрения судебные дела, Лис зажала между рукой и бедром, в другой руке у нее болталась сумка для ноутбука. Одежда Лис была в тот же безупречный костюм, что и сегодня утром, и в блейзер сложной кройки с вышитым на нем международным знаком кураториума – *Convectum*.

– Вот ты где! – воскликнула Лис и обняла меня. – Я уже думала, что они тебя никогда не выпустят. Я жду здесь несколько часов! Как ты? Врачи сказали, что раны у тебя были небольшие, и скан показал, что все в порядке, но...

В то время, пока Лис говорила, она ощупывала меня на предмет возможных травм. С большой долей вероятности она давно уже рассортировала их по возможным вариантам и срочности лечения лучше, чем это могла бы сделать любая реабилитационная капсула.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала она. – Тебе нужно вернуться в больницу.

– Да ерунда. Я в порядке, – произнесла я, осторожно прижимаясь подбородком к виску Лис.

У моей тети было такое обаяние, что я постоянно забывала, что была выше ее, по крайней мере когда Лис не надевала свои туфли на тринадцатисантиметровых каблуках. От нее исходил аромат ее любимых духов – она пахла сиренью и флердоранжем. Я уткнулась носом в ее плечо и глубоко вздохнула:

– Я чувствую себя лучше всех.

Лис отодвинула меня на расстояние вытянутой руки. В ее серо-голубых глазах я увидела серьезную обеспокоенность, которая повергла меня в состояние тревоги. И это не была ее обычная забота обо мне или страх, что я могла быть серьезно травмирована. Это было нечто большее.

Кроме проигранного судебного процесса или покушения «Красной бури», ничто так быстро не могло вывести мою тетью из равновесия. Филлис Пэдди противостояла этому миру только силой своей личности. И хотя она была очень миниатюрной женщиной, она могла быть гораздо страшней Луки во время его приступа.

– Да что случилось? – робко спросила я. – Ты что-то знаешь. Они что, хотят отменить мое назначение на должность бегуна?

Тетя покачала головой.

– Нет, не это, – произнесла она нерешительно. – Но твоя победа – вот о ней все говорят. Никто не может понять, ка-

ким образом ты смогла прыгнуть прямо на финишную черту.

«Просто спросите у меня», – подумала я и потерла лоб.

– У Гилберта было слишком мало времени, чтобы объяснить мне все, – продолжила тетя. – Но он и Хоторн заметили какую-то аномалию, когда просматривали гонку. И она была связана с твоим последним вихрем. По этому поводу они даже устроили кризисную телеконференцию с руководителями всех кураториумов.

– *Аномалию?*

Я прищурилась и вспомнила белое, словно сажа, лицо Гилберта.

– И что это значит?

– Я не могу тебе сказать. Но остальные руководители хотели, чтобы Гилберт объяснил им, что произошло.

Лис осторожно взяла мой подбородок большим и указательным пальцами и наклонила его в сторону, чтобы рассмотреть гематому, которую я получила при падении.

– Кто это сделал?

– Улица на Аляске, – ответила я и усмехнулась. – Я думаю, что ей ты не сможешь предъявить иск.

Лис выглядела так, будто всерьез раздумывала именно это и сделать. Она вздохнула:

– У тебя болит голова?

– Немного.

– Видишь размыто?

– Уже нет.

– А твой затылок?

– Э-э-э...

Было очевидно, что Лис этот ответ не удовлетворил, потому что она тут же схватила мой затылок и несколько раз осторожно нажала сзади на изгиб шеи:

– Так больно?

Она провела двумя пальцами вдоль моей левой скулы, и я непроизвольно вздрогнула.

– Немного, – призналась я.

– Опиши боль.

– Больно.

– Элейн Мариэль Коллинз, – пригрозила Лис свойственным ей голосом в стиле «не-говори-мне-тут-всякой ерунды», – боль колющая или тупая?

– Тупая.

– Устойчивая?

– Только когда ты так давишь, – раздался позади нас глухой голос.

Гилберт появился за спиной моей тети бесшумно и тайком. Он положил свои руки мне на плечи и посмотрел прямо в глаза:

– Как здорово снова видеть тебя здоровой, Элейн. Я поздравляю тебя с победой!

Его слова прозвучали, как никогда, профессионально. Вид Гилберта, так же как и вид тети, едва выдавал волнения последних часов, если не принимать во внимание морщину

на его лбу величиной с Гималаи. Казалось, Гилберт и Лис всегда владели собой, были даже немного холодны в общении, но я все знала и понимала.

Одно то, что он сейчас был здесь, говорило о многом.

– Ты произвела такой фурор, – сказал он. – Другие кураториумы всполошились. Каждый хочет знать, что случилось.

Я *тоже* хотела знать, что случилось! Меня трясло, когда я вспоминала, что мой прыжок прямо на финишную черту показывали по всем новостным каналам. Хорошо, что у меня не было возможности посмотреть свежие выпуски на моем детекторе.

– Ты можешь описать, каким образом прошел твой последний прыжок? – спросил Гилберт. – Ход гонки был, собственно, ясен. Судя по всему, ты должна была проиграть.

– Я знаю, – возразила я слабо. – Я имею в виду... я думаю, это произошло случайно.

Гилберт покачал головой, не соглашаясь со мной. Он набрал что-то на дисплее своего детектора и показал мне. Рядом с моей фотографией один за другим загорались показатели вихрей, через которые я прыгала.

– Это было не случайно, – сказал он. – Посмотри.

Гилберт указал на последний вихрь. До моего прыжка он вел от Анкориджа до Мехико-Сити, но, как только я впрыгнула в него, он изменил свое направление... на Новый Лондон.

– Это невозможно, – сказала я и прикрыла рукой рот.

Вихрь, который менял *направление*?

– Это и есть аномалия? Лис только что рассказала мне об этом.

Гилберт кивнул с самым серьезным видом:

– То, что там произошло... Элли, это всех очень беспокоит. Вихрь изменился именно в ту секунду, когда *ты* впрыгнула в него. А что, если это только один из многих вихрей, которые ведут себя необычно? Это может вызвать панику.

Я сглотнула. Неужели это значит, что вихри *меняются*? Неужели могло произойти второе Великое смещение? Это было бы ужасно! Ведь ученые всегда утверждали, что первое появление вихрей – это неповторимое событие. Как импульс, который абсолютно по-новому перестроил Землю вместе с ее странами, океанами и всеми, кто на ней обитал.

– Хоторн беспокоится, что с тобой могло что-нибудь случиться, – сказал Гилберт.

– Со мной? – спросила я. – Но почему?

Гилберт внимательно посмотрел на меня:

– То, что ты сделала, это... это нечто особенное, Элейн. Неповторимое. Когда ты приземлилась прямо на финишную черту, миллионы людей увидели, что ты смогла управлять вихрем. Такого еще никогда не было, и рано или поздно все будут об этом говорить. Ты представляешь, насколько мощной стала бы такая способность?

– Да я даже не знаю, я ли им управляла! – воскликнула я, на что тетя посмотрела на меня с предостережением, потому

что в это время мимо нас проходила группа юных кандидатов, которые с интересом косились в нашу сторону.

Заметив Гилберта, они пробормотали почтительное: «Здравствуйте, господин Вудроу», после чего тут же испарились.

Я прикусила нижнюю губу.

– Пообещай мне одно, – продолжил Гилберт. – Не соглашайся ни на что, пока не обсудишь это с нами, хорошо?

– И на что же это я, извини, должна давать свое согласие?

– Мы просто не хотим, чтобы ты раздавала легкомысленные обещания. К счастью, господин Хоторн пока скрывает все от средств массовой информации, но я уверен, что здесь в институте есть люди, которые охотно захотят вовлечь тебя в свои дела.

Я беззвучно усмехнулась.

– Элейн, это не шутка! – резко произнес Гилберт. – Произошло самое значимое событие за последние семьдесят девять лет. С тех пор, как вихрь вызвал Великое смещение.

Вихрь-прародитель, подумала я. Мы изучали это на уроках истории. Такой мощный вихрь с тех пор никогда больше не появлялся.

Тут Лис положила свою руку на плечо Гилберта.

– Давай поговорим об этом позже, – произнесла она. – Элли нужно успеть на первый инструктаж, и было бы хорошо, если она не станет привлекать к себе еще больше внимания, не так ли?

Гилберт кивнул, и, как только он посмотрел на мою тетю, с его лица сразу исчезло все напряжение. Оба были безумно влюблены и так хорошо подходили друг другу. И Гилберт, и Лис были ужасными перфекционистами и профессионалами во всем, что делали. В то время как другие влюблялись в цвет глаз или улыбку человека, эти двое втрескались скорее в списки дел.

– Кураториуму нужно натравить их на бунтарей-цундеров, – сказал мне однажды Лука.

Тогда нам было двенадцать или тринадцать лет, и мы еще не знали, что в нем тоже течет кровь цундера.

– Они справились бы намного лучше бегунов, – размышлял он. – Наверняка заставили бы капитулировать сразу всю «Красную бую». В алфавитном порядке и с перерывами на обед и кофе.

Мы сидели на балконе пентхауса Гилберта в центре города сразу после того, как я и Лис переехали к ним. Мое первоначальное недовольство тем, что Лука и Гилберт вторглись в нашу жизнь и теперь претендовали на внимание Лис, которая по праву принадлежала мне, давно уже улетучилось. Я чувствовала себя свободной и счастливой и понимала, что я дома, – никогда больше я не испытывала таких ощущений. И чем чаще я сидела на этом огромном роскошном балконе и смотрела с него на башню кураториума, тем больше понимала, что не хочу ничего, кроме как стать бегуном.

Это было в тот день, когда мы с Лукой решили, что всегда

будем почти-сводными-братом-и-сестрой. Сирень, которую Лис посадила на балконе, распространяла свой терпкий аромат, а вокруг все жужжало и щебетало. Над нашими головами простирались только голубое безоблачное небо и беззаботная легкость.

От воспоминаний о нашей совместной жизни в пентхаусе мне стало тепло на душе, несмотря на то что с начала своего обучения в кураториуме я бывала там очень редко... и на то что разум заполнили тысячи других мыслей, которые, словно огромный и беспорядочный вихрь, кружились у меня в голове.

Как же все просто было тогда. Мы были как семья. И Лука...

Лука всегда был человеком. А не одним из этих мутировавших фриков, на совести у которых была моя мама.

– Кстати, об опоздании, – сказала я, обращаясь к Гилберту. – А где, собственно, Лука? Я не видела его в больничном крыле.

Лис и Гилберт одновременно вздохнули.

– Нам сказали, что он направился в комнаты кандидатов. Наверное, ему срочно нужно было попрощаться с какой-нибудь девушкой, которая сегодня вечером покидает кураториум.

Я закатила глаза. Лука влюблялся примерно раза три в неделю. То, что он наполовину был сплитом, многих конечно же отпугивало, но время от времени встречались девушки,

которым он был симпатичен.

По крайней мере, до тех пор, пока он во время поцелуя нечаянно не обжигал им губы. И случилось это явно не один раз.

– Этот парень точно сведет меня в могилу, – шутил Гилберт, и Лис с любовью трепала его по каштановым волосам, среди которых за последние годы действительно появилось несколько седых прядей.

Втроем мы отправились к аудитории, которая находилась как раз под расположением бегунов на самых высоких этажах кураториума. Здесь каждое утро проходили встречи бегунов, на которых они обменивались предстоящими задачами. Там бегуны делились на группы, и, если где-то в местах проживания людей появлялся сплит, они, перемещаясь через вихрь или даже пешком, останавливали его и сразу же препровождали в зону.

Без бегунов цюндеры точно уничтожили бы мир. Благодаря тому что бегуны научились транспортировать их с помощью вихрей, человечество получило шанс выжить.

Мы поднялись на несколько пролетов по лестнице и прошли мимо казарм охранников зон.

Здесь было самое оживленное место, потому что в коридорах у охранников оформляли сплитов, доставленных бегунами. В просторных камерах в одном из отсеков здания они ожидали транспортировки в зоны. На ногу сплитам крепили прибор слежения в форме металлического кольца, чтобы

кураториум мог контролировать их местонахождение. Краем глаза я заметила, как трое охранников пытались утихомирить грундера, который пытался ударить каждого, кто тащил его к фургону на посадочную платформу. Единственная причина, по которой он не мог нанизать охранников на свои руки-корни, были гравитационные сенсоры, светившиеся на его теле и подавлявшие его силы.

Чтобы преодолеть остаток пути, мы воспользовались лифтом, расположенным в серебристой трубе в центре кураториума.

Собственно, я должна была быть счастливой. Сейчас я официально стану частью кураториума. И пойду по стопам великих и легендарных бегунов, таких как Лоретта Алькотт, которая будет вести наше посвящение и которая на протяжении сорока лет охотилась на самых ужасных сплитов. И таких, как Бэлиен Треверс, самый известный бегун за всю нашу историю.

Никто не мог двигаться сквозь вихри так, как Бэлиен, хотя он был совсем ребенком, когда его назначили бегуном. Он мог за сотни метров предсказать направление вихрей – говорили, что он выиграл вихревую гонку, в которой участвовал, когда ему было десять лет, всего за пятнадцать минут.

Увидев перед собой аудиторию, я сделала глубокий вдох. Мне предстояло лицом к лицу встретиться с другими победителями. С этого момента мы должны были стать единой командой. Любой из них мог стать моим партнером по бегу

и передвигаться со мной по миру.

Почему же мне было так страшно?

Я вспомнила, как Варус Хоторн жал мне руку на финише и пристально смотрел на меня, словно пытался разглядеть в моих глазах вихрь, который таким чудесным образом доставил меня прямо в кураториум.

Вихрь, который так отличался от тех, которые мы знали.

После этого Хоторн поздравил остальных победителей одного за другим... и только в конце своего сына.

Он жал руку Хольдену, как и всем остальным, но его истинные чувства были написаны у него на лице.

Второе место? Вот это разочарование...

По дороге в реабилитационные палаты я не решалась взглянуть на Хольдена. Я никогда не мечтала прийти к финишу первой. Если бы я могла выбирать, то предпочла бы второе место, сразу за ним, как всегда.

А вместо этого я его опозорила.

И это было то, чего я так сильно боялась. Что остальные бегуны начнут меня ненавидеть.

Что *Хольден* начнет меня ненавидеть.

6

Лис и Гилберт попрощались со мной у дверей аудитории. Они пожелали мне удачи, но я видела в их глазах, что они очень переживали из-за случившегося.

– До встречи! – крикнула я им вслед.

Уже через несколько часов должен был состояться праздник победителей.

Когда я вошла в помещение круглой формы, там на каменных ступенях, образовывавших полукруг, уже сидели трое победителей. Парень – кажется, родом из Эдинбурга – сидел впереди. Мия Розе и Хольден сидели друг за другом посередине зала. Луки среди них не было.

Как это на него похоже.

Я нерешительно направилась к одному из мест рядом с Хольденом, хотя даже не знала, что ему сказать. Мы ни разу еще по-настоящему не разговаривали. Вероятно, до сегодняшнего утра он даже и не знал, что я существую. А тут девушка из второго ряда становится девушкой, укравшей у него победу.

Что мне теперь, извиниться перед ним?

Ну нет, я слишком гордилась тем, чего достигла. Это я выиграла гонку. И неважно, насколько безумными были обстоятельства.

Но пока я шла к Хольдену, случилось нечто удивительное. Вместо того чтобы проигнорировать меня или посмотреть как-то недружелюбно, он улыбнулся. *Хольден Хоторн мне улыбнулся*, и ямочки, которые появились у него на щеках, заставили мое сердце биться на десять тактов быстрее.

Он показал рукой на свободное место рядом с собой, и я прямо-таки почувствовала, как Мия Розе попыталась про-

бравить своими полными злости глазами дырку в моем затылке.

Я быстро уселась на предложенное место и поставила рюкзак на пол.

– Поздравляю с победой, – сказал Хольден. – Ты ведь Элейн, верно?

– Да, – выдохнула я и прикусила нижнюю губу, чтобы он не услышал неуверенность в моем голосе. – Или Элли. В смысле, мои друзья... мои друзья называют меня Элли.

– Элли, – повторил он, и мне очень понравилось, как он произнес мое имя. – Поздравляю, Элли.

– Спасибо, – ответила я. – Видимо, мне очень повезло.

На тонких губах Хольдена появилась улыбка.

– Никому не позволяй так говорить. Неважно, что там произошло с твоим последним вихрем, твои показатели были фантастическими. Ты это заслужила.

– Спасибо, – снова ответила я, и мои щеки загорелись так, что можно было подумать, будто это не у Луки, а у меня случился один из его приступов. – Ты тоже этого заслуживал.

– Ну да, когда мы побежали во двор, я был абсолютно уверен, что выиграю, – произнес Хольден, усмехнувшись. – А тут вдруг возникает ты. Ты в курсе, что о тебе говорят сейчас во всем мире?

Я кивнула:

– Если честно, то я стараюсь об этом не думать.

Он рассмеялся:

– Как так получилось, что мы с тобой никогда не общались друг с другом?

«Ну уж *определенно* не из-за того, что я не пыталась привлечь твое внимание», – ответила я про себя.

– Наверно, у нас обоих были дела поважнее, – сказала я вместо этого и постаралась непринужденно пожать плечами. Глаза Хольдена заблестели.

– А ты тщеславна. Мне это нравится, – сказал он, и я не смогла озвучить то, что вызвали во мне эти слова.

Но затем его лицо помрачнело.

– А вот твой приятель напротив, – начал он. – Ты ведь дружишь с этим цюндером, не так ли? Как его, Лука Вудроу?

Я сглотнула:

– Он мой... В общем, он мне как сводный брат.

– А еще он обманщик, – добавил Хольден.

Черт. Неужели... неужели Хольден узнал что-то о том, что проделал Лука на замерзшем горном озере? Кто еще мог знать об этом?

Я посмотрела на Мию, которая, сидя в первом ряду, до сих пор бросала на нас злые взгляды. Вернее, на *меня*.

О том, что Мия, начиная с платиновой головы и заканчивая розовой подошвой своих кроссовок, была влюблена в Хольдена, знал каждый на нашем курсе. Два или три года назад они даже какое-то время были парой, и я бесконечно завидовала ей. Но потом Хольден поменял ее на девушку, которая училась курсом старше. То, что он сейчас разгова-

ривал со мной, означало, что теперь Мия будет ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь.

И это чувство было абсолютно взаимным.

– Там... ничего такого не было, – прошептала я Хольдену.

– Ему нельзя применять свою способность, – прошептал Хольден в ответ. – Ты же знаешь, они могли сразу вышвырнуть его. А за ним и его отчима.

Вот в этом я не была так уверена, потому что положение Гилберта в кураториуме было высоким и он был незаменим. Но все-таки эта угроза исходила из уст Хольдена Хоторна, и кто мог повлиять на руководителя, если не его сын?

Мысль о том, что Гилберт и Лука могут уйти, была ужасна.

– Ты ведь ничего не скажешь?

Хольден молчал слишком долго. Затем едва заметно покачал головой и посмотрел мне прямо в глаза:

– Если он так много значит для тебя, то не скажу. Но это первый и единственный раз, когда я его покрываю. Я папе уже много раз говорил, что неправильно терпеть в институте сплита. А тем более цюндера. Твой друг опасен, так же опасен, как все остальные фрики за пределами кураториума, и неважно, что он является таковым наполовину. Пока он никому не навредил, но это всего лишь вопрос времени.

Я хотела возразить:

– Лука никогда бы не...

– На позапрошлой неделе цюндер из «Красной бури» так

сильно обжег семилетнего мальчика в Токио, что тот моментально скончался, – сказал Хольден. – Он был просто объят огнем. По-моему, мальчик нечаянно наступил цюндеру на ногу или что-то в этом роде. И всё. Одно неправильное движение, и мальчик превратился в пепел.

Мне стало не по себе.

– Лука никогда бы так не сделал, – прошептала я, но в моем голосе уже звучала неуверенность.

Когда у Луки год назад случился первый приступ, его на несколько недель заперли в научном центре – исследовательском отделении кураториума. Прямо посреди занятия он поджег свой стол, чем напугал до смерти не только преподавательницу, но и весь класс.

С тех пор Лука находился под постоянным наблюдением. Исследователи в научном центре установили, что в Луке течет кровь и цюндера, и человека. Полусплиты существовали и до этого, но их было очень и очень мало, потому что сплиты и люди жили врозь на протяжении десятилетий.

И уж точно сплитов никогда не было среди бегунов кураториума.

– Конечно, Лука этого не сделал бы, – ответил Хольден. – По крайней мере, преднамеренно.

Я прикусила нижнюю губу и замолчала. Что я могла ответить на это? Я знала множество ужасных историй о сплитах, которые теряли самообладание. Швиммеры⁶, топившие лю-

⁶ От нем. schwimmen: *плавать*.

дей наводнениями, вирблеры, вырывавшие из земли целые дома. И цюндеры... Когда только появились вихри, цюндеры сожгли дотла множество городов. Некоторые из них, например Лондон, пришлось отстраивать снова. Они никогда больше не были прежними.

Бесчисленное количество людей стали жертвами безумия цюндеров, а воспоминание о том, как моя мама сначала вытащила меня из горящего дома, а потом отбила у цюндеров, навсегда осталось в моей памяти, как ужасная рана от ожога...

В общем, я хорошо понимала беспокойство Хольдена по поводу Луки.

Великое смешение было худшим, что когда-либо могло случиться в нашем мире. Вихрь-прародитель полностью изменил жизнь на земле. Он смешал ДНК некоторых людей с частицами того, что их окружало. С растениями, камнями, металлами. С воздухом и водой... А некоторых – с огнем. И это смешение, эта мутация... они вызвали в сплитах такие силы, контролировать которые могли немногие из них.

Развязанные после этого по всему миру конфликты сегодня были известны как вихревые войны. Они длились десятилетиями, и даже сейчас человечество еще не оправилось от потрясений.

Я отбросила темные мысли в сторону. Мир сейчас был совсем другим. Благодаря кураториуму люди и сплиты могли жить в мире отдельно друг от друга. Бунтовщики-цюндеры

из «Красной бури», правда, продолжали злоупотреблять своими способностями и совершать ужасные преступления, но Лука был *другим*. Его глаза, наполовину карие, наполовину красные, были самыми добрыми из всех, что я встречала.

– Я ничего не скажу. – Хольден отвлек меня от моих мыслей, положив вдруг свою руку на мою, отчего мой мозг ненадолго отключился. – Ради тебя.

– Ради меня? – повторила я хриплым голосом.

Хольден улыбнулся своей белоснежной улыбкой:

– Да. И кроме того, я считаю, что Вудроу сам позаботится о том, чтобы поскорее вылететь из кураториума.

К сожалению, часть меня вынуждена была согласиться с Хольденом. В последнее время темперамент Лукаса часто существовал отдельно от него. И хотя его приступы случались реже, отчего, соответственно, реже загорались столы, школьные тетрадки и одежда, со своей горячей головой Лука ничего не мог поделать.

Он остался в кураториуме и даже принял участие в гонках только благодаря влиянию Гилберта.

Подняв голову, я заметила, как Мия Розе немигающим взглядом смотрела на наши с Хольденом руки. Я едва сдержалась, чтобы не показать ей язык.

– Мне кажется, вас должны были дисквалифицировать, – сказала Мия, обратившись ко мне. – Если вы думаете, что я не поняла, что вы там сделали, то ты ошибаешься.

– А то, что ты столкнула меня в пропасть, ты считаешь

нормальным? – прошипела я в ответ.

Мия злобно улыбнулась:

– Но я не нарушала правил. И кроме того, я подумала, что ты захочешь последовать примеру своей мамочки.

Разве она не была большой поклонницей прыжков со скал?

По моей спине пробежала дрожь. Откуда она узнала об этом? Я чувствовала, как во мне закипает гнев. Если бы Хольден не удержал меня одной рукой за плечо, то я ринулась бы по сиденьям вперед и врезала бы ей кулаком прямо в выкрашенные в розовый цвет губки-бантики.

– Оставь, не стоит, – мягко сказал Хольден.

И прежде чем я смогла что-либо ответить, дверь в аудиторию открылась.

Внутри вошла женщина высокого роста, с коротко стриженными волосами. На ней была обтягивающая синяя униформа со знаком *Convectum* над сердцем и ужасный след от ожога, который тянулся наискосок через все ее лицо. Меня так увлекло ее появление, что я сначала и не заметила Луку, который за ее спиной проскользнул на ближайшее свободное место.

Я с укором посмотрела на него, и Лука пожал плечами, улыбаясь в качестве извинения. Его губы опухли от поцелуев, а рыжие волосы были растрепаны больше обычного, будто кто-то с огромным энтузиазмом за них тянул.

Да уж, некоторые вещи не меняются никогда.

Лука заметил, что я сижу рядом с Хольденом, и поднял брови, явно очень удивившись. Я внутренне улыбнулась. *А некоторые вещи* могут, напротив, принимать неожиданный поворот.

– Добро пожаловать, бегуны! – Женщина повысила голос.

Конечно, я ее знала. *Каждый* в кураториуме знал ее. Лоретта Алькотт была для бегунов живой легендой. Процент пойманных ею сплитов, не считая «добычи» Бэлиена Треверса, был самым высоким в мире. Когда речь шла о том, чтобы доставить сплитов в зоны, ей не было равных. Сегодня она была правой рукой Хоторна и никогда не отходила от него во время важных выступлений.

– То, что вы сегодня здесь, означает, что вы проявили как минимум определенный талант и более-менее приемлемое чутье, необходимые для работы бегуна, – начала Алькотт свою речь.

Она стала медленно прохаживаться взад-вперед, чеканя шаг по каменному полу и неотрывно глядя на нас. В руке она держала пульт, которым активировала экран высотой примерно метр, находившийся у нее за спиной.

– То, что вы прошли квалификацию, это большая честь, – продолжила Алькотт. – Дети и взрослые по всему миру мечтают о том, чтобы оказаться на вашем месте. Из тысячи кандидатов победителями стали только вы. С сегодняшнего дня вы вихревые бегуны! И все же это не означает, что этой работой вы будете заниматься всегда. Я готова понизить каждого

из вас до уровня охранника зоны, если вы не будете придерживаться правил. Правил, которые гарантируют ваше выживание.

На экране за ее спиной появилось четыре фотографии. Четыре фотографии четырех групп сплитов.

– Правило номер один, – продолжила Алькотт и перешла к главному: – Никогда не поддерживайте сплита, каким бы милым он ни был.

Лазерная указка передвигалась по фотографиям и остановилась на мужчине слева. Большая часть его кожи представляла собой древесную кору, остальная была покрыта сплошь листьями и мхом. Он немного напомнил мне грундера с Аляски, но явно находился под большим влиянием природы.

– Грундеры, – произнесла Алькотт. – Многие думают, что это самые безопасные представители сплитов, потому что они неторопливы и спокойны. Однако грундеры также очень упрямые и верные существа, они остаются верными до самой смерти. И только потому, что они могут вести себя более-менее цивилизованно, многие кандидаты считают, что с ними можно быть мягче.

Она по очереди смотрела на каждого из нас. Ее глаза блестяли.

– Я говорю: с грундерами следует поступать так же, как с остальными сплитами! Их упрямство может привести к смертельной опасности для вас. Как только вы увидите одного из них, тут же ведите их в ближайшую зону, вы это по-

няли?

Я увидела, как Хольден, сидевший рядом со мной, кивнул, и сделала то же самое. Он уже отпустил мою руку, но мне казалось, что я до сих пор ощущаю его прикосновение.

Красная точка лазерной указки переместилась к фотографии симпатичной бледной девушки. Ее волосы развевались вокруг лица, словно на фотосессии, у нее были бесцветные глаза с легким желтоватым оттенком.

– Вирблеры, – пояснила Алькотт. – Вероятно, самые могущественные сплиты, потому что они контролируют воздух, который нужен вам для дыхания. Вирблеры милы, грациозны и похожи на эльфов. За последние десятилетия у нас было несколько бегунов, которые из-за этого предпочли отказаться от своей работы... Что ведет нас непосредственно к правилу номер два.

Алькотт выдержала внушительную паузу и при этом серьезно посмотрела в глаза каждому из нас.

– Никаких. Интрижек. Со сплитами, – произнесла она, и каждое ее слово прозвучало в воздухе, словно удар плетки.

Некоторые юноши и девушки в аудитории хихикали, другие закатывали глаза.

– А если кто-нибудь из вас не будет выполнять свою работу как следует из-за глупой влюбленности, то я лично вышвырну вас из кураториума, а вы ведь знаете, как «высоко» ценятся те бегуны, которые нарушили правила.

Наступила полная тишина. Изгнанные бегуны считались

изгоями общества. Хуже них были только дезертиры, которые подвергались преследованиям со стороны кураториума.

Вряд ли кому-то из нас придет в голову идея рискнуть своим статусом бегуна.

– Правило номер три: каждый отдельно взятый сплит, которого вы встретите, должен быть немедленно доставлен в зону. Используйте свои гравитационные сенсоры, чтобы заблокировать их способности, используйте вихри или запрашивайте транспортировку. Если вы сталкиваетесь со слишком большим количеством сплитов, вызывайте подкрепление. И *всегда* доверяйте своему партнеру и предоставленному вам навигатору, так как в самом серьезном случае они будут вашим единственным спасением.

Лазерная точка прыгнула к фотографии молодого мужчины с тонкими, слегка голубоватыми чертами лица. Между губ у него виднелись небольшие клыки.

– Как вы знаете, швиммеры воздвигли в океанах собственные города. Кураториум терпит эту политику расселения, потому что они не угрожают нашей среде обитания. Так же, как вирблеры, швиммеры могут казаться элегантными и миролюбивыми, но на самом деле они хитрые твари. Если вы ослабите свое внимание, они утащат вас под воду, и все – вам конец!

Каблуки Лоретты Алькотт простучали еще несколько шагов по полу, затем указка переместилась к последней фотографии. Это, бесспорно, была самая страшная фотография

сплита, которую я когда-либо видела.

Рубашка на мужчине была разорвана, и широкая грудь под ней была покрыта пятнами насыщенного красного цвета. Как бы ни выглядели раньше его волосы, сейчас они просто пылали огнем. Кожа была покрыта кипящими венами, по которым вместо крови бежала жидкая лава.

В таком состоянии цюндер был один сплошной открытый нерв, стенобитный шар без управления. Именно *так* выглядел цюндер, когда терял контроль над собой, – словно ходячая преисподняя. Именно у таких на совести и была моя мама.

Я не смогла с собой ничего поделаться и посмотрела на Лука. И хотя он сидел в подчеркнуто расслабленной позе, выражение его лица стало каменным.

– Ну и цюндеры, конечно. Вы их знаете, потому что благодаря террористам из «Красной бури» они почти каждый день появляются в новостях. Цюндеры – это особо опасные, вспыльчивые звери, которые нападут на вас не мешкая, стоит вам разбудить в них гнев.

Лука сполз на сиденье еще ниже. Я заметила, как Хольден слегка усмехнулся.

– В «Красной буре» нет ни правителей, ни иерархии, ни структуры, – продолжила Алькотт. – Они идут, куда хотят, и нападают на каждого, кто встретится им на пути. Многие из них действуют не задумываясь. – Пронзительно глядя на нас, она указала на шрам на своем лице: – Я получила это

в подарок от цюндера из Мексики. – Она потянула за левый рукав и обнажила темное, почти черное плечо. – А это – от цюндера из Исландии. Оба состояли в «Красной буре» и были не особенно умны. Они тратили всю свою силу слишком быстро, так что для меня и для других бегунов не составляло труда поймать их с помощью гравитационных сенсоров и отправить в одну из зон.

Улыбка, наполненная гордостью, пробежала по ее губам.

– Но я не сделала бы этого одна, и тут мы переходим к последнему, четвертому правилу: никогда не оставайтесь с цюндером один на один. Неважно, будет ли это милая десятилетняя девочка или взрослый мужчина: все они обладают смертоносной силой, которую не сможет выдержать даже ваша униформа. Поэтому никогда не вступайте с ними в конфронтацию неподготовленными. Вы никогда не знаете, имеете ли вы дело с одним цюндером или с группой бунтарей из «Красной бури».

Она замолчала на некоторое время, ожидая, пока до нас дойдут ее слова, а затем переключила презентацию на стене на фотографии охваченных пламенем домов и машин «скорой помощи», приехавших к людям, получившим ожоги. На фотографии взрывов на улицах, горящих машин, женщины, которая сидела, скорчившись, на бордюре.

И наконец, на экране показались более ранние фотографии, на которых были изображены целые области, погребенные под завесой огня. Одной из этих областей был

небольшой кусочек земли, на котором сегодня находился Новый Лондон. Бесчисленные старые фотографии мелькали на экране, одна ужаснее другой. Это были фотографии не только цюндеров, которые уничтожали дома и целые поселения, но и фотографии вирблеров, парализовавших работу оборудования кураториума высокой степени надежности, и фотографии швиммеров, атаковавших подводные станции.

– Некоторые из вас, вероятно, считают, что грундеры медлительны, вирблеры нежны, швиммеры безопасны, а цюндеры глуповаты, но я советую вам спуститься на землю. Если мы хотя бы на секунду ослабим контроль над мутантами, это может означать конец человеческой цивилизации. На сегодняшний день существует больше кризисных районов, чем мы, бегуны, можем охватить своей работой. Некоторые страны рано или поздно подпадут под влияние «Красной бури». Мутантов меньше, чем людей, но они во много раз сильнее нас. В общем, будьте готовы, будьте внимательны – только в таком случае вы выживете. Иначе...

В зале царила полная тишина. Алькотт снова нажала на пульт, чтобы показать нам последний слайд. На фото были изображены мужчины и женщины, молодые и пожилые. На всех была одинаковая синяя униформа, и они все были... мертвы.

Они лежали на металлических столах в патолого-анатомическом отделении кураториума, и я вспомнила Бэлиена Треверса, вундеркинда, который проработал в качестве бегуна

всего три года. Если даже человек с таким талантом умер так рано, то что это говорит о нашем будущем?

Я почувствовала, как по моему телу пробежала дрожь. Хольден снова взял меня за руку, и я затаила дыхание, когда мы робко сцепили наши пальцы в замок.

– Не переживай, – прошептал он. – Мой отец говорит, что она любит запугивать новичков. За последние шесть лет в Новом Лондоне не погиб ни один из бегунов.

С тех пор, как умер Бэлиен Треверс, – вот что он имел в виду. Я кивнула, хоть и знала, конечно, что кураториум в Мехико или Токио постоянно фиксировал потери, потому что «Красная буря» там действовала гораздо активнее, чем на нашей территории.

Экран тем временем погас, пульт положили на кафедру. Алькотт прошла мимо наших мест. На какое-то время она задержала взгляд на Луке и приподняла свои брови, будто осознала то, что долгое время не замечала: по венам ее нового члена команды текла смешанная кровь, кровь сплитов, которых она только что представила такими опасными.

Лука выпрямил спину, гордо поднял подбородок и даже не моргнул, глядя ей прямо в глаза. Я не смогла сдержать улыбку.

Лоретта Алькотт отвернулась, и я увидела, как она недовольно наморщила лоб, прежде чем «нацепить» на лицо маску нейтральности.

– С этого момента вы являетесь бегунами, – произнесла

она и снова повернулась к нам. – Вы – команда. И вы будете находиться в постоянной боевой готовности семь дней в неделю. С этого момента навигаторы – это ваши мамы, папы, сестры и братья, ваши лучшие друзья.

Алькотт направилась к коробке, которая все это время стояла в центре аудитории. Она быстрым движением открыла крышку и вытащила вакуумный пакет с надписью «Х. Хоторн» на лицевой стороне. Она бросила пакет Хольдену, который поймал его на лету.

– Здесь находятся униформа, огнестрельное оружие с гравитационными сенсорами, программное обеспечение для вашего детектора и копия руководства для бегуна. Ознакомьтесь со всем этим, так как рано или поздно эти вещи спасут вам жизнь. Завтра утром в восемь ноль-ноль в этой аудитории вы узнаете, кто будет вашим партнером, и начнете работу.

Улыбаясь, она взяла свой собственный детектор и направилась в сторону двери.

– Наслаждайтесь праздником, – крикнула она через плечо. – Сегодня ваша последняя ночь на свободе.

7

С новой униформой в руках мы покинули аудиторию и выглядели при этом как побитые собаки.

Даже Мия Розе не могла сохранить самообладание и од-

ной рукой нервно теребила свою футболку. На ней виднелся силуэт юноши. Неестественно голубые глаза и прямой подбородок уже в двенадцать лет стали отличительными чертами Бэлиена Треверса. И хотя его не было в живых уже несколько лет, его лицо до сих пор украшало всевозможные продукты мерчандайзинга: кружки, футболки, постельное белье, брелоки. Некоторые кандидаты, такие как Мия, завесили его портретами все свое спальное место.

А сейчас Мия перебирала складки своей футболки, как будто больше не была уверена, что хочет подражать золотому мальчику нашей территории.

– Неприятная речь, не так ли? – обратилась она к Хольдену.

Тот пожал плечами:

– Она всего лишь сказала правду. Я думаю, будет лучше, если мы будем знать, что нас ожидает.

– Я слышал, что «Красная буря» захватила уже почти всю Исландию, – произнес кто-то позади меня.

Я узнала шотландского юношу, которого видела на гонке. Вблизи он выглядел еще выше и мускулистее, чем показался тогда. Он уже надел свою синюю униформу и даже оружие с гравитационными сенсорами повесил на ремень.

Он протянул мне руку:

– Тревор Оггби. Я из одного из небольших центров в...

– Шотландии. Мы знаем уже, – сказала Мия Розе, мило улыбаясь. – На гонке ты был просто супер!

На самом деле она хотела сказать: «*Я немало удивлена, как хорошо ты себя показал, ведь, как мы все знаем, в такие отдаленные центры попадают только те, кто не смог сдать приемные экзамены в настоящий кураториум*». Но, конечно, Тревор понятия не имел, что каждое милое слово из уст Мии было подобно отраве.

Вместо этого он гордо усмехнулся:

– Спасибо, ты тоже. – Он перевел свой взгляд на Луку, который последним покидал аудиторию: – Эй, ты!

Лука приподнял брови и встал между мной и Хольденом:

– Да?

– Ты же тот самый цюндер, о котором все говорят, не так ли?

Лука в ответ закатил глаза. Он помахал рукой перед своим лицом, указывая на рыжие волосы, красно-карие глаза и бугристые уши – единственные мутировавшие места на его голове:

– И что же меня выдало?

Тревор пожал плечами:

– Я никогда еще не слышал о цюндере, живущем в кураториуме. Ну, то есть... *цюндер*? Да еще и *бегун*? Как вообще ты смог пройти тест, чтобы стать кандидатом?

Лука посмотрел на Тревора так, словно очень хотел подпалить ему брови.

– К счастью, незадолго до этого меня научили читать и писать, – прошипел он.

Тревор, кажется, всерьез собирался спросить: «*Ты умеешь читать?!*», но, к счастью для себя, вовремя передумал.

– Луку еще ребенком усыновил господин Вудроу, наш главный штурман, – объяснила Мия Розе с приторной улыбкой на лице. – Тогда он, конечно, не знал, какие проблемы это ему принесет. Якобы Лука до этого был беспризорником и бегал по улицам, как бездомная собака. Да, а год назад выяснилось, что он – гибрид, и господин Вудроу попал в жутко неловкую ситуацию.

Мия засунула в рот жвачку, которая ужасно воняла искусственной клубникой, и лопнула огромный пузырь.

– Мне до сих пор кажется невероятным, что господин Хоторн не отправил тебя в одну из зон.

Лука сверкнул глазами, взглянув на Мию, но промолчал и лишь улыбнулся в ответ.

– Я имею в виду, что ты, бесспорно, самое глупое существо на свете.

– *Бесспорно* только то, что живое доказательство обратного стоит сейчас прямо передо мной, – парировал Лука, и до Мии не сразу дошло, что ее оскорбили.

Возмущенный визг, прозвучавший вскоре, вызвал у меня ухмылку.

Хольден склонился ко мне так близко, что я ощутила его дыхание на своей щеке.

– Почему ты до сих пор с ним дружишь? – прошептал он, но недостаточно тихо, чтобы Лука не услышал его слова.

– Потому что она предпочитает окружать себя людьми без метровой палки в заднице, – сказал Лука, и его глаза замерцали красным цветом.

– Смешно, Вудроу.

Хольден сделал шаг в сторону Луки.

Черт возьми! В последние годы между ними не раз завязывались перепалки, и каждый раз мне с трудом удавалось сдерживать Луку. Нападение на Хольдена – это самый быстрый способ оказаться в зоне. В таком случае даже Гилберт не смог бы ему помочь.

Сейчас ситуация снова повторялась. Глаза Луки блестели, а его рука уже схватила Хольдена за ворот футболки.

– Ты хотел мне что-то сказать, папенькин сынок? Тогда *скажи* это.

Хольден приподнял брови:

– О, у меня так много всего накопилось. Но я боюсь, что ты не поймешь и половины.

Я положила руку Луке на спину, между лопатками, как всегда делал Гилберт, когда хотел его успокоить. Его кожа уже нагрелась, и я поняла, что разрядить обстановку нужно как можно быстрее.

– Друзья, мы хотим быть командой, вы не забыли об этом? – спросила я. – Завтра у нас появятся партнеры. И уже совсем скоро каждый из нас, вероятно, должен будет доверить другому свою жизнь. Не думаю, что рвать друг друга на кусочки в первый же день – это хорошая идея, согласны?

– Если не сделаем мы, так сделает он, – сказал широкоплечий Тревор и встал рядом с Хольденом, который между тем болтался в руках Лукаса и тяжело дышал. – В любом случае я точно никогда не стану партнером сплита. Вы самые последние *мерзавцы!*

– Лука не сплит! Он один из нас! – крикнула я и снова стала гладить его по спине, пока он наконец не отпустил Хольдена.

Тот закашлял, делая жадные, слегка хрипящие вдохи. Благодаря регулярным медицинским осмотрам, которые все мы обязаны были проходить, я знала, что Хольден страдал астмой в легкой форме, а еще я знала, что он был слишком гордым, чтобы использовать свой ингалятор на людях. Но он достаточно быстро пришел в норму, и я бросила предупреждающий взгляд сначала на Тревора, а затем и на Мию Розе:

– Он заслужил свое место бегуна точно так же, как все мы.

– Заслужил? – Мия издала звук, полный пренебрежения. – Этот сумасшедший достиг многого только потому, что господин Вудроу его не...

– Как здорово, что вы друг друга так хорошо понимаете! – раздался голос в коридоре.

Рот Мии моментально захлопнулся, и даже я немного вздрогнула, когда увидела приближающуюся к нам высокую фигуру Варуса Хоторна.

Униформа, которую он носил, была похожа на униформу бегунов, и над его сердцем так же сверкал знак *Convectum*.

Но вместо насыщенного синего его униформа была бордового цвета, а воротник был застегнут гораздо выше, почти до самого подбородка.

За ним по коридору шла Лоретта Алькотт.

– Ваши новые комнаты уже готовы, – сказал Хоторн. – Пожалуйста, проследуйте за госпожой Алькотт. Я уверен, что вы все хотели бы немного отдохнуть перед праздником и пообщаться со своими семьями.

Все старательно закивали, и я уже собралась последовать за Лукой и Хольденом к лифтам, когда...

– Госпожа Коллинз, можно вас на минутку?

Я закрыла глаза. Затем повернулась и столкнулась с пронзительным взглядом Хоторна. Среди его темно-русых волос виднелось все больше седых прядей, но из-за этого он еще больше вселял в меня страх.

– Да? – пискнула я.

Он неторопливо прошел мимо меня и жестом велел следовать за ним. Остальные ушли вперед, в то время как мы немного отстали.

– У нас не было возможности лично поговорить о вашей великолепной победе, – произнес Хоторн. – Я должен сказать, что это была самая впечатляющая победа, которую я видел за последние годы.

Мне было неловко, но в этом я вынуждена была с ним согласиться.

– Расскажите мне, пожалуйста, о вашем последнем вихре,

через который вы прыгнули, – сказал Хоторн. – Он находился в Анкоридже, не так ли?

– Да, – подтвердила я. – Когда я туда попала, он был прямо передо мной.

– Что за счастливая случайность. – Хоторн изучал выражение моего лица, которое я пыталась сделать максимально нейтральным. – То, что вы смогли сразу прыгнуть в вихрь, я это имею в виду. Если бы вы задержались хоть на пару минут, то опоздали бы.

– Это... так, – призналась я. – Послушайте, господин Хоторн, сэр, я знаю, что все это выглядит довольно странно. И я на самом деле не хотела, чтобы вы беспокоились из-за меня. Я думала тогда, что уже проиграла и...

– Стоп.

Взгляд Хоторна стал немного удивленным.

– Вы ни в коем случае не должны передо мной оправдываться. То, что вы сделали, было совершенно необыкновенно, и я просто хочу понять, *как* у вас получилось выиграть. За такими процессами следует строго следить, и вы это знаете. Заметили ли вы что-то необычное в том вихре, через который вы прыгнули?

Этот вопрос удивил меня, ведь он и Гилберт, просматривая гонку, явно заметили, что мой вихрь вел себя аномально и изменил свое направление.

– Он... согнулся, – наконец произнесла я.

Хоторн остановился и замолчал. Он смотрел в большое

окно, за которым открывался вид на Новый Лондон.

Внизу находился правительственный квартал, а рядом с ним – бесчисленные небоскребы, сверкающие в свете дообеденного солнца. Даже спустя восемьдесят лет здания, пережившие пожары, напоминали своим видом о последствиях Великого смещения. Они тоже мутировали: в них проникла природа. Зеркально-гладкие стеклянные фасады одного небоскреба перемешались с могучим стволом дерева и многочисленными растениями. На другом здании по всей его высоте виднелись крутые скалы.

Вихрь-прародитель устроил тотальный хаос в мире. Целые территории подверглись наводнениям, некоторые города навечно остались погребенными под песками пустыни, множество семей оказались разделены.

«Но, – подумала я, разглядывая изменившиеся здания, – иногда в них есть что-то прекрасное».

– Согнулся, – произнес наконец Хоторн, изучая мое отражение в окне. – Это *вы* вызвали эту кривизну?

– Я не уверена, – призналась я и на какой-то момент задумалась, стоит ли рассказывать ему о грундере и о том странном парне в Анкоридже, но это показалось мне невыносимым. Ведь это был господин Хоторн. У него не было времени выслушивать мои путанные истории – у него были более важные дела. Кроме того, он мог бы обвинить меня в неправильном поведении.

– Госпожа Коллинз?

– Я не сделала ничего необычного, – произнесла я быстро.

И это на самом деле было так. Я вспомнила, как тогда подумала о кураториуме – о финишной черте, на которую я обязательно хотела попасть. Но ведь не может же быть, что вихрь принес меня туда только потому, что я этого захотела? Или может? И почему тогда это не происходило с бегунами до меня?

Господин Хоторн внимательно смотрел на меня, казалось, целую вечность, словно впервые увидел меня по-настоящему.

– Я сейчас расскажу вам кое-что, что известно только руководству, госпожа Коллинз. Этого не знает даже ваш дядя. Я полагаю, что могу рассчитывать на ваше молчание?

Я не решилась что-либо сказать. Вместо этого я послушно кивнула.

– То, о чем сообщают информационные каналы, неправда. То, что случилось с вами вчера, уже случилось однажды. Просто тогда это не придали огласке – не так, как в вашем случае, – но вы не первая, кто смог овладеть вихрем. И только для того, чтобы направить вихри в определенном *направлении*, ими можно управлять и *во времени*.

– Ими можно управлять... во времени? – повторила я, оцепенев. Он это серьезно?

– Именно так. Нужно обладать невероятно редким талантом, чтобы направлять вихри в другие времена. И после вчерашнего дня я уверен, что в вас тоже скрыт этот талант. В

ваших данных была однозначная аномалия. Как только удалили разницу по времени между часовыми поясами, появилось явное несоответствие между вашим прибытием в Новый Лондон и прыжком в Анкоридже. Несоответствие почти на четверть часа. – Хоторн положил руку на мое плечо. – Вы – *бегун во времени*, госпожа Коллинз.

Его слова выбили почву у меня из-под ног. Я... я что, действительно совершила прыжок во времени?

Конечно, тут же произнес тихий голосок в моей голове. Это прекрасно объясняет, почему я получила из кураториума сигнал о победе еще до того, как пересекла линию финиша. Мой детектор показывал мне *мою собственную* победу!

И все же в это сложно было поверить.

– Вы думаете... – Я откашлялась. – Вы думаете, что однажды такое уже происходило? С другим бегуном?

Хоторн улыбнулся мне:

– Сейчас это не играет никакой роли. А что касается вашего таланта... Я считаю, что с сегодняшнего момента мы в обязательном порядке должны пристально следить за вами.

– Почему?

– Ваш прыжок транслировался в прямом эфире по всему миру. Нам не избежать неудобных вопросов, и я боюсь, что вы станете величайшей информационной сенсацией года.

Я покраснела:

– Мне правда очень жаль, что я доставляю вам так много хлопот, сэр.

– Я же говорю: вам не стоит оправдываться. Ваш талант открывает нам новые возможности, о которых мы и не подозревали. Конечно, вы можете представить, как повлияют на нашу жизнь вихри, направление которых можно будет задавать.

Я немного замешкалась и кивнула. Можно будет перемещаться, куда захочешь. Или нет? Можно будет путешествовать во времени.

Хоторн, видимо, разглядел в моих глазах любопытство, потому что снова улыбнулся:

– Это могло бы стать решающим шагом, который положит конец «Красной буре», госпожа Коллинз. Представьте, если мы сможем приставить к террористам бегунов, обладающих такой способностью. У «Красной бури» не будет никакого шанса! Мы могли бы уничтожить группу бунтарей в зародыше, еще до их появления! Поэтому нам нужна ваша помощь, чтобы выяснить, *как* вы управляли вихрем. Мы могли бы научить этому других бегунов. С сегодняшнего утра вы самый важный человек на этой планете, вы это понимаете? И я сделаю все, чтобы с вами ничего не случилось, так как мы, несомненно, должны исходить из того, что «Красная буря» тоже заинтересовалась вами.

– Я... понимаю, – произнесла я, хотя у меня от этой информации гудела голова.

До вчерашнего дня, не считая моей семьи, никто в кураториуме не интересовался мной. Я была всего лишь одним

из многих кандидатов. И я поняла, что все это внимание меня смущало.

Хоторн положил руку мне на плечо:

– Наступают трудные времена. Некоторым кураториумам очень сложно противостоять «Красной буре» и ее подлым терактам. И хотя количество сплитов в мире постоянно снижается, группы бунтарей становятся все изобретательней. Мои коллеги беспокоятся, что ситуация с «Красной бурей» может усугубиться.

Я сглотнула. Зачем он мне все это рассказывал? Он что, хотел запугать меня еще больше?

Мой взгляд явно говорил о многом, так как Хоторн тяжело вздохнул:

– Пожалуйста, простите меня. Я только хотел объяснить вам, что вы и остальные бегуны являетесь единственной стеной между нами и этими террористами. И мы очень ценим то, что вы готовы рисковать жизнью ради нас. Но если есть шанс *наконец* остановить войны... то мы должны сделать все для того, чтобы воспользоваться этой возможностью, не так ли?

Я медленно кивнула, хотя и не знала, каким образом именно я должна была остановить этих мятежников.

– Превосходно, – произнес Хоторн и жестом указал, чтобы я следовала за ним. При этом он продолжал смотреть на меня. – Я уже все организовал. Завтра утром начинается ваша специальная подготовка.

– Моя... что?

– Ваша специальная подготовка, – повторил Хоторн. – Лучшие исследователи нашего научного центра протестируют ваши сердце и нервную систему. Мы хотим посмотреть, сможете ли вы и в дальнейшем управлять вихрями, госпожа Коллинз. И я хотел бы, чтобы на ваших тренировках присутствовал мой сын – пусть поучится у вас.

Я резко остановилась. Только сейчас я поняла, к чему все это время вел Хоторн.

– Это значит, что я вообще не смогу служить в качестве бегуна?

Лицо Хоторна снова стало серьезным, таким, каким я привыкла его видеть. Затем он снова положил руку мне на плечо и наклонился ближе:

– Так будет лучше для кураториума.

– Но это же моя мечта! – воскликнула я, прежде чем сумела совладать со своими эмоциями, и тут же перестала дышать, осознав, что накричала на нашего руководителя. – Сэр, я имею в виду... моя мама... ее же убили цюндеры. Я только хочу...

– Вы хотите отомстить за нее. – Хоторн посмотрел на меня, словно точно знал, что сейчас происходило у меня в голове. – Вы хотите найти ее убийцу. Я прекрасно это понимаю. Мою жену лишили жизни таким же коварным образом. Не проходит и дня, чтобы мое сердце не требовало возмездия.

– Я... я этого не знала, – прошептала я.

– Вы и не могли этого знать. Потому что я все свои личные потребности и желания задвинул на второй план, оставив на первом наше великое дело. И это дело состоит в том, чтобы принести мир нашей планете. Не правда ли?

Его слова словно парализовали меня. Я чувствовала, как мое тело, только что натянутое как струна, обмякло.

– Конечно, – прошептала я.

– Я читал ваше дело, госпожа Коллинз. Тогда вы выжили только потому, что один из бегунов вовремя спас вас. Он вступил в противостояние с мутантами и вынес вас из горящего дома. Это был бегун, который выполнил свой долг. Разве сейчас не время и вам сделать то же самое?

У меня сжалось горло.

– Да, – сказала я чуть громче обычного. – Это будет для меня большой честью.

– Я рад. Я знал, что не разочаруюсь в вас, – сказал Хоторн. – И да, это ведь не навсегда. Кроме того, мой сын будет сопровождать вас на каждом шагу. Скажите... Вы дружите с моим сыном?

От этого неожиданного вопроса я покраснела до ушей. Он действительно спросил меня об этом?

– Нет. Я... мы не очень хорошо знаем друг друга.

– Но он вам нравится?

Я, наверное, была уже красной как помидор.

– Да, – выдавила я из себя.

– Замечательно.

Хоторн похлопал меня по плечу, словно я только что выиграла очередную вихревую гонку.

– Я думаю, он мог бы считать себя счастливымчиком, если бы такая одаренная юная девушка стала бы его партнером.

– С-спасибо, – пробормотала я, заикаясь от смущения. – Но партнеров же еще не распределяли.

Хоторн посмотрел на меня с улыбкой. Ну да. Руководитель собственноручно назначал партнеров. Конечно же он обсуждал все с главным штурманом, но окончательное решение было все-таки за ним.

Означало ли это, что он поставил нас в пару? Тогда, после того как я пройду тестирование, мы с Хольденом навсегда станем партнерами.

– Я уверен, что он может у вас кое-чему поучиться, – продолжил Хоторн, прежде чем я смогла что-либо спросить у него. – Вы оба получите свои новые комнаты прямо рядом с обсерваторией. Я завтра направлю за вами своих лучших бегунов. Они проводят вас на вашу первую симуляционную тренировку.

Моя *первая* тренировка.

За которой последуют многие другие.

Я снова посмотрела в окно. Измененный стихиями Новый Лондон блестел в свете сумерек.

Хоторн был прав. Во всем. Служить кураториуму было не только честью, это было моей обязанностью как человека. Если Хоторн хочет, чтобы я прошла дальнейшие симуляции,

то я сделаю это без сомнений.

От этой мысли мне стало легче. Принимать решения было не моей задачей. Я должна была следовать воле кураториума, какой бы она ни была.

Полная решимости, я посмотрела на Хоторна и кивнула.

8

Я попала в расположение бегунов, когда остальные уже получили свои комнаты. Коридор был абсолютно пуст, и я оглянулась, пытаясь понять, куда мне идти. Что же мне сейчас делать? Где комната Луки? Мне очень хотелось наконец провести с ним пару минут в спокойной обстановке.

Но едва я решила постучать в ближайшую дверь, как увидела, что навстречу мне вниз по коридору быстрым шагом направляется Лоретта Алькотт. Жестом она велела мне следовать за ней, и мы отправились на другой этаж.

Про комнаты здесь я совсем не знала. Всегда предполагала, что рядом с обсерваторией находятся офисы штурманов, но, оказывается, ошибалась.

Как только я переступила порог комнаты бегуна, я замерла.

Это была не обычная комната, это был настоящий *люкс*. Он был выдержан в светлых, приятных тонах, украшен всевозможными растениями и картинами, состоял из двух комнат и собственной ванной. В центре второй комнаты распо-

лагалась кровать, которая занимала столько места, сколько хватило бы трем обычным кроватям кандидатов, а на покры- вале, лежащем сверху, красовался знак *Convectum*.

Освежитель воздуха выпустил струю с запахом розовых лепестков. Мебель украшали блестящие золотые орнаменты, а с потолка свисала, покачиваясь, хрустальная люстра.

– Здесь обычно останавливаются важные гости, – объяс- нила мне Лоретта Алькотт и при этом посмотрела на меня так неодобрительно, словно обиделась за то, что Хоторн раз- местил сюда меня, а не ее.

Как будто я была в этом виновата.

Как будто я сама себе это выбирала.

– А Хольден?.. – спросила я нерешительно.

– Господин Хоторн расположился в комнате напротив, – объяснила Алькотт и неприязненно скривила рот. – Вам сле- дует готовиться к празднику. Я уверена, что сегодня вечером вы станете главной темой для разговоров.

При мысли об этом я сглотнула и поняла, что она была права. Все это казалось мне странным сном. И у меня было чувство, что я еще не скоро проснусь.

Большой праздничный зал, который располагался на ниж- них этажах кураториума, обычно использовался для офи- циальных мероприятий. Но сегодня он был освещен при- глушенным светом, а на фоне звучала музыка, под которую некоторые уже танцевали. В то время как официанты разно-

силы блюда и напитки по круглым столам, на мониторах, висевших на стенах, транслировались сцены с вихревой гонки. Я была уверена, что, когда покажут мой финиш, половина зала будет на меня глазеть.

Праздник победителей всегда был частью моей мечты. Я хотела принадлежать к тем, кто принес присягу и кем все восхищались, потому что они, в общем, были *победителями*.

Но сегодня я старалась быть как можно более незаметной, в то время как остальные весело проводили время. Здесь были все: наши учителя, наши семьи, все, кто еще сегодня утром стояли на беговой дорожке, чтобы поприветствовать нас. Люди вокруг обменивались историями про гонку, давали советы на будущее, а я сидела рядом с Лис и неохотно ковырялась в тарелке.

Неужели именно я должна была стать ключом к окончанию всех войн? Я, девочка из второго ряда, у которой не было родителей, только мама, которую убили, и папа, который – *как там говорила мама?* – «просто несемейный человек» и поэтому исчез так быстро, что я даже не могла ничего о нем вспомнить?

Это трудно было представить.

Я тайком покосилась на Хольдена. Он сидел за самым первым столом рядом со своим отцом и был так увлечен разговором с ним, что вообще не обращал на меня внимания.

Я была уверена, что господин Хоторн как раз рассказывал ему, что из-за меня тот не сможет быть бегуном. В любом

случае вид их серьезных лиц говорил именно об этом.

Знал ли Хольден, что я смогла побывать в прошлом? Может быть, мне удастся поговорить с ним об этом.

Прежде чем закончить наш разговор, господин Хоторн попросил меня хранить молчание. Он якобы даже собственноручно удалил из хода гонки все данные о несоответствии во времени. Даже Гилберт не знал об этом, хотя он, как главный штурман, был первым доверенным лицом руководителя. Моя специальная подготовка должна была остаться в тайне. Я должна была никому о ней не рассказывать.

Даже своей семье.

– Мне все-таки нужно беспокоиться? – спросила Лис.

В отличие от меня, она уже завершила трапезу, а не превращала тарелку в открытое поле боя.

Пойманная с поличным, я опустила свою вилку.

– Все в порядке, – солгала я.

– Я думала... – Лис вздохнула. – Я думала, что ты будешь счастлива. Ты же так хотела стать бегуном.

В том-то и проблема. Я даже прикусила язык, чтобы не проболтаться. *Они не дают мне. Потому что я бегун во времени.*

Лис положила руку на мою щеку, а затем максимально незаметно переместила ее на мой лоб.

– У меня нет температуры! – прошипела я и резко отклонилась назад. – Я просто...

– ...безнадежный случай, – сказал Лука, опускаясь на сво-

бодное место рядом со мной.

На тарелке, которую он поставил на стол перед собой, возвышалась гора еды. Лука всегда ел минимум за троих; виновата ли в этом кровь цюндеров или у него просто был хороший аппетит, я до сих пор не могла сказать.

– Извини? – поинтересовалась я.

– Ты – безнадежный случай. – Лука показал вилкой в сторону Хольдена. – Твоя мечтательность достигла совершенно нового уровня. Для меня до сих пор является загадкой, что ты нашла в этом избалованном идиоте.

Лис посмотрела в ту сторону, куда указывал Лукас, и ее глаза округлились, словно у нее в голове сами собой нашлись ответы на все интересующие ее вопросы.

– Ах, вот в чем дело... – услышала я ее бормотание, после чего она сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Великолепно. Лис уже замучила меня вопросами, почему у меня до сих пор нет парня. Теперь она от меня вообще не отстанет.

Я посмотрела на Луку.

– Он не избалованный, – вступилась я за Хольдена. – Ему пришлось бороться за все так же, как нам.

– Только у него при этом были частные преподаватели. – Лука отправил себе в рот сразу несколько кусков мяса. – И с ним постоянно носились. – Затем он наклонился к Лис за моей спиной и добавил наигранным шепотом: – У нее плохое настроение из-за того, что она показала лучший результат,

опередив его.

– Лука! – Я толкнула его в бок, но дело было сделано. Когда речь заходила о каких-то секретах, моя тетя становилась похожа на кота, унюхавшего сметану.

– Что он имеет в виду? – поинтересовалась она. – Почему у тебя из-за этого должно быть плохое настроение?

Я застонала.

– Если бы Элли захотела, то могла бы спокойно стать самой лучшей в классе: особенно по прыжкам в вихри. – Лука пожал плечами. – Но она специально сдерживала себя. Что-бы лучшим был он.

Я нацепила на вилку помидор, а затем опустила его, пронзенного насквозь, на тарелку. Я не отрицала – все, что было связано с вихрями, всегда давалось мне легко, – но для меня это не играло никакой роли. У меня было только одно желание – стать бегуном, а на оценки мне было плевать.

Лис же смотрела на это совсем по-другому:

– Это правда?

– Хольден с удвоенной силой боролся за то, что он хотел достичь, – попыталась успокоить ее я.

Часто поздно вечером я встречала Хольдена в тренировочном зале. Он каждый день занимался дополнительно, чтобы стать лучше, чем другие. Он каждый день проводил часы на беговых дорожках, несмотря на свою астму. С самого начала меня восхищала его амбициозность.

Я повернулась к Луке:

– Если бы у тебя был папа, который постоянно стоял у тебя над душой, ожидая от тебя только лучших результатов, то тебе тоже было бы нелегко.

Едва закончив эту фразу, я поняла, что лучше бы промолчала. Лука ничего не знал о своих родителях: то ли они добровольно бросили его на улице, то ли с ними что-то случилось. Он не знал, кто из его родителей был цюндером – мама или папа. Он вообще ничего не знал о своем детстве.

Хотя внешне Лука казался беспечным, он ненавидел эту неконтролируемую часть внутри себя больше, чем все остальные. С моей стороны было нечестно напоминать ему об этом. Он и так наслушался подобного от других.

– Извини. Я не это имела в виду.

– Да ладно, – сказал Лука и дружески подтолкнул меня плечом. – Если кто и может говорить глупые слова о моих несуществующих родителях, так это ты.

Мне оставалось только улыбнуться.

Луке очень повезло, что эта его сторона не проявилась раньше, что его уши стали бугристыми, а глаза приобрели красноватый блеск намного позже. Иначе Гилберт никогда бы его не усыновил и его никогда бы не пустили в кураториум.

Я прижалась щекой к плечу Лукаса и глубоко вздохнула:

– Мы какая-то ненормальная семья, правда?

– Уникальная, – сказала Лис. – А против уникальности не попрешь.

Я снова улыбнулась. И выпрямилась, только когда услышала резкий вздох Лис.

– Вампиры, – прошептала она.

Я взглянула в ту сторону, куда смотрела Лис, и увидела толпу народа, окружившую явно уставшего Гилберта.

Ничего нового. Многие отирались вокруг главного штурмана, так как к руководителю им было не подобраться.

Сегодня толпа состояла из роскошно одетых женщин.

– Кто из них самый безнадежный случай? – спросила я Лис и рассмеялась, глядя на кровожадное выражение ее лица. – Да ладно, ты же знаешь, он смотрит только на тебя.

– Так лучше для него самого, – ответила Лис. Она склонилась к нам: – Извините меня, дети.

Она встала, потрепала Луку по волосам, похлопала меня по плечу и исчезла – явно с целью раздавить эту толпу шпильками своих туфель.

Какое-то время я и Лука наблюдали, как покраснел Гилберт, когда Лис поцеловала его на глазах у толпы, а затем я молча взяла Луку за руку.

На протяжении нескольких часов я проигрывала в голове возможные объяснения тому, почему завтра утром меня не будет среди бегунов. Но я никак не могла произнести ни слова – они просто застревали у меня в горле.

– Я до сих пор не верю в это. – Лука, полный счастья, посмотрел на меня. – Мы – бегуны. С ума сойти! Мы оба сделали это.

Я выдавила из себя улыбку.

Мы так долго и с содроганием ждали наше первое задание. Мы были уверены, что станем партнерами, и рисовали себе наше будущее: как мы преследуем группу швиммеров, которые отважились зайти слишком далеко на территорию людей, как мешаем грундерам грабить продовольственные запасы на окраинах, как лично противостояю предводителю «Красной бури»...

А сейчас, когда мы вплотную подошли к реализации наших планов, я не могу быть с ним.

Я открыла рот и тут же его закрыла. Все, что я могла бы сказать, было бы ложью, а я не хотела обманывать Луку. Кроме того, я не хотела нервировать его, не хотела, чтобы он потерял самообладание и не смог вступить в должность бегуна.

Завтра он получит другого партнера, и тогда я смогу рассказать ему о своей первой специальной подготовке с Хольденом.

Да, так будет лучше.

Этой ночью я очень беспокойно спала – такого со мной не случалось уже давно. Только причиной того, что я все время ворочалась в роскошной кровати, был не сон о моей маме и скалах. Вместо этого мне снились сплиты с изуродованными лицами, похожие на животных, которые запрыгивали в вихри следом за мной. Они хватали меня своими когтями, разрывали мою униформу и обжигали мое лицо огнем. Потом

сон поменялся, и я оказалась на койке в белом помещении, связанная и обездвиженная, в то время как врачи проводили со мной какие-то исследования. Единственное, что я могла видеть, это их голубые, как лед, глаза.

Я проснулась от собственного крика и инстинктивно повернулась в ту сторону, где обычно спал Лука. До нашего отъезда мы с ним делили одну комнату в квартире Гилберта. И даже здесь, в кураториуме, он всегда спал на нижнем ярусе рядом с моей двухэтажной кроватью. После такого кошмарного сна я с удовольствием укрылась бы у него под одеялом.

Уже тогда Лука был теплее всех людей, которых я знала, а его дыхание было похоже на летний бриз, поглаживающий мою шею.

Но сейчас я была одна, комната вокруг меня была огромной, роскошной – и абсолютно пустой.

Я очень скучала по тем временам, когда мы с Лукой, еще не будучи кандидатами, бегали к нашему любимому месту в центре города – мимо торговых центров, ресторанных комплексов и огромных высотных парковок, которые возвышались рядом с транспортными трассами над ущельями с домами. Мы бежали до одного из немногих районов города, где еще не были снесены «мутировавшие» здания. Сегодня они в той или иной степени представляли собой памятники, и вход туда был строго воспрещен. Многие здания из-за смещения стали нестабильными, кроме того, воздух был там другой: казалось, словно тебя притягивает магнитом, будто

где-то притаился невидимый вихрь, угрожавший унести тебя напрямик в лапы смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.